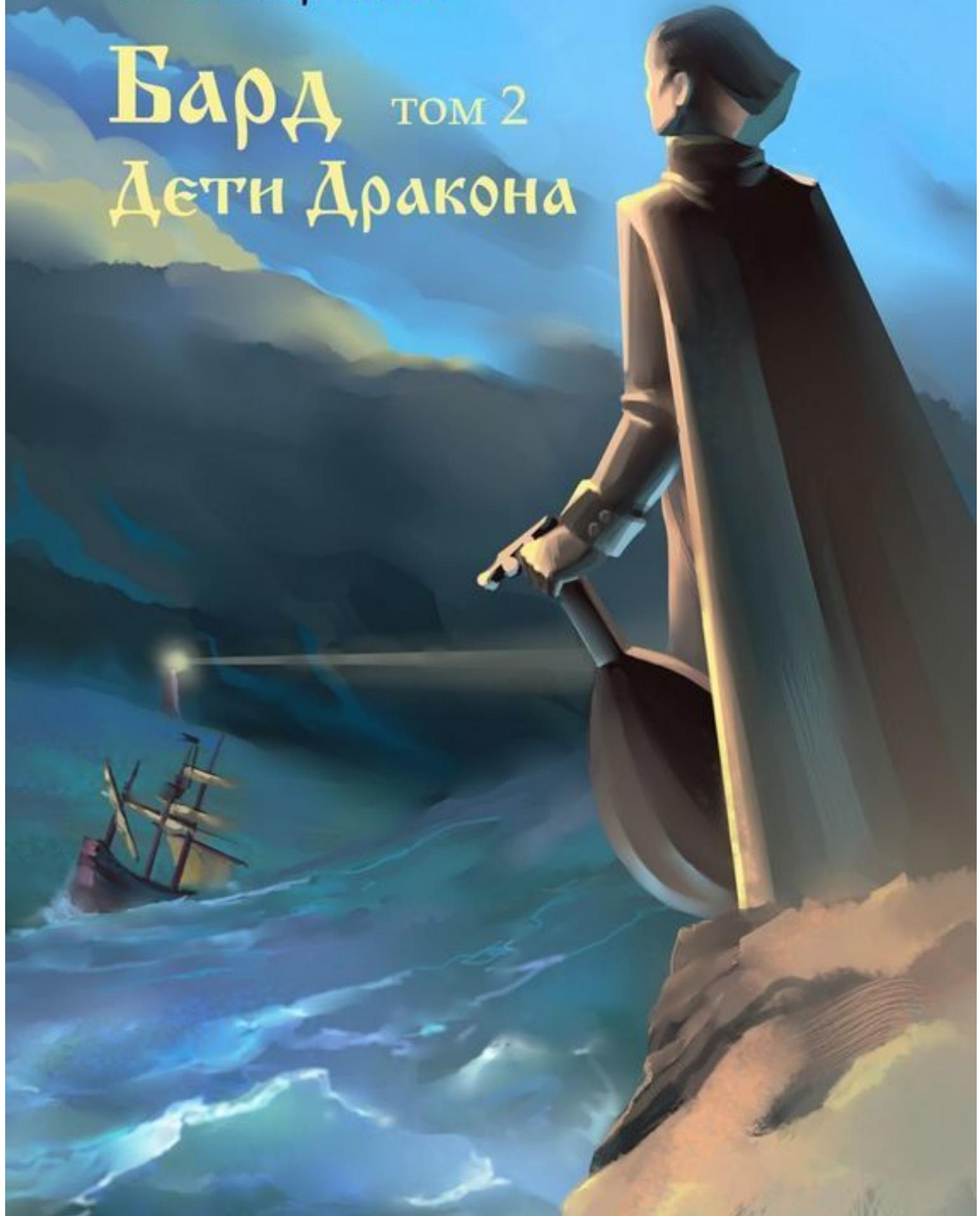

И.Ю. Пермяков

Бард ТОМ 2
Дети Дракона

И. Ю. Пермяков

Бард. Том 2. Дети Дракона

«Издательские решения»

Пермяков И. Ю.

Бард. Том 2. Дети Дракона / И. Ю. Пермяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855614-2

Мир людей жесток и опасен. Жизнь людей полна невзгод и трудностей. Но этот мир так увлекателен и необычен, что невозможно не окунуться в его водоворот, особенно если ты одинок и жаждешь признания и славы. И вот, юный эльф, вслед за своей сестрой уходит от своих соплеменников, чтобы исполнить мечту каждого молодого человека — прославиться. Чтобы вдоволь испытать невзгод и трудностей и обрести славу и любовь.

ISBN 978-5-44-855614-2

© Пермяков И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть III Студент	10
Студент	10
Прогулка	18
Свидание	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Бард. Том 2 Дети Дракона

И. Ю. Пермяков

Иллюстратор Дарья Каневская

Дизайнер обложки Дарья Каневская

Редактор М. И. Пермякова

© И. Ю. Пермяков, 2018

© Дарья Каневская, иллюстрации, 2018

© Дарья Каневская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5614-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Слёзы из её глаз падали маленькими каплями на резной столик, где лежал небольшой клочок бумаги, исписанный мелким колючим почерком. Маленький клочок, больше похожий на обрывок, в котором две небольшие фразы вызвали такую бурю эмоций.

А как она радовалась, когда маленький камушек, который был завернут в этот клочок, влетел в ее комнату. Она немедленно выглянула в окошко, чтобы увидеть долгожданного гонца, но двор был пуст и безмолвен, как и всегда, с тех пор, как отец запер ее в своей комнате.

Она осторожно подобрала эту долгожданную посылку и с наслаждением почувствовала пряный запах его духов, которыми он так любил душить свои редкие послания. Но эйфория мгновенно закончилась, как только до нее дошел смысл написанных фраз.

«Прощай. Я тебя больше не люблю».

Слёзы капали, образуя маленькие лужицы боли и страха. Слезы капали, и в том месте, где они оставляли мокрые пятнышки, чернила расплывались, оставляя неопрятные разводы из синих волн.

Слёзы капали и капали, и вот на этом злосчастном клочке тонкой благоухающей бумаге не осталось не только никаких слов, но даже и букв, а только огромное расплывшееся пятно с разводами, больше напоминающим серое зимнее небо.

Девушка откинулась на высокую спинку неудобного деревянного стула, сложила руки на округлом животе, выдававшем беременность на последнем сроке, слегка всхлипывая, оттерла слезы на глазах и, поглаживая живот руками, ласково произнесла:

– Ну что ты, милый, там развоевался? Всё хорошо. Ты не переживай, это какая-то ошибка. Твой отец тебя очень любит. Ну, в смысле полюбит, как только увидит. У него ведь только девочки, а он так мечтает о мальчике. О наследнике. Вот увидишь, как он будет счастлив. Он не сможет нас бросить. Так и знай. А записка... Да что записка? Это просто какая-то ошибка.

Девушка вновь всхлипнула, и из ее глаз вновь потекли слёзы, оставляя мокрые блестящие дорожки.

Ребёнок в животе перестал шевелиться, по-видимому, успокоенный ласковыми словами матери, а та оглянулась вокруг, словно осматривая маленькую комнату.

«Какая неприветливая комната», – подумалось ей. А ведь когда-то это была самая настоящая комната для принцессы. И хотя с тех самых пор почти ничего в ней не менялось, эта комната превратилась в темницу, тюрьму, узилище.

«А может, это вовсе и не он написал», – осенило девушку, и она попробовала разглядеть разводы на бумаге.

Ничего она там не увидела, поскольку опустившаяся темнота не позволила ей этого сделать.

Она осторожно поднялась со стула, подошла к камину, взяла с полки маленькую коробочку и, вытащив «неугасимый уголёк», быстро и умело разожгла сложенные в камине поленья. Дрова занялись, весело затрещали и радостным светом озарили комнату танцующим пламенем, осветив чуть опухшее от слез лицо девушки. Она оказалась совсем молоденькой, почти девочкой, с правильными чертами лица, черными как смоль волосами и жгучими чарующими карими глазами, покрасневшими от недавних слез.

Её мешковатое серое платье почти полностью скрывало фигуру, оставляя открытыми только кисти рук и шею.

Девушка, или правильнее будет сказать молодая женщина, горестно вздохнула и попыталась рассмотреть все, что осталось от записки, но то, что она там увидела, не давало никакого представления, что же там было написано ранее.

Она повертела в руках этот клочок бумаги, прошептала себе под нос «я тебя больше не люблю» и неожиданно бросила его в камин, словно эта злосчастная бумага жгла ей пальцы. Та вспыхнула, еще не долетев до раскалённых углей, и через миг рассыпалась, не оставив после себя даже пепла.

– «Я тебя больше не люблю» – вот что там было написано, – прошептала с отчаянием она и, словно пьяная, покачиваясь, вернулась к столу и буквально упала на стул. Девушка закрыла лицо руками и замерла.

Просидев так с десяток минут, она вдруг опустила руки и уверенно произнесла:

– Но он не мог мне такое написать. Ни в коем случае. Это какая-то ошибка или еще хуже, чей-то невероятно злой розыгрыш.

Ум девушки тут же стал искать предполагаемых виновников этой ужасной шутки, но, не найдя никого, кого можно было заподозрить в этом деянии, пошли в другое русло:

– Да нет же. Этого не может быть. Я что-то перепутала.

Она кинулась к камину, словно пытаясь прочитать в языках пламени эти слова, но, не найдя там ответа, уверенно пробормотала:

– Ну, конечно же, я что-то путаю. Отец запер меня в этой комнате и не выпускает из дома уже столько времени. Поэтому он подумал, что это я оставила его. Вот глупый. Ну конечно. Я просто перепутала. Надо срочно бежать к нему. Он ждет меня. Расстраивается. Страдает. Он любит меня.

Ребенок в животике шевельнулся, напомнив о себе.

– Ну, конечно же, нас, – улыбнулась девушка. – Конечно же нас, глупышка. Я рожу ему красивого и сильного мальчика, и он будет любить нас вечно. Надо бежать к нему, рассказать, что я люблю его и что это все чудовищная ошибка. Он наверняка ждет в нашем маленьком особняке. Надо бежать, пока еще не совсем темно.

Девушка распахнула окно и выглянула вниз.

– Ого, высоко. Можно, пожалуй, и разбиться.

Она еще немного постояла у окна, рассматривая с высоты второго этажа аккуратную аллею, бегущую в большой ухоженный парк, затем подошла к шкафу, открыла его и внимательно заглянула внутрь.

Входная дверь скрипнула и открылась. В комнату вошла старая женщина и, шаркая ногами, внесла поднос с кусочком хлеба, сыра и бокалом молока.

– Зачем камин растопила? – проворчала она.

– Замерзла, – пожалала плечами девушка.

– А окно пошто открыла? – покачала головой старуха.

– Жарко стало, – буркнула девица, неодобрительно посмотрев на разнос, который был поставлен на стол.

– Ешь. Да спать ложись, – приказала та.

– Потом поем, постель перестелю, – пожалала плечами девушка, вытаскивая из шкафа белье и кладя его на постель.

– Сейчас поешь, молоко ведь остынет.

– Хорошо.

Девушка села на стул и медленно стала есть.

«Все равно ведь не отвяжется, пока не поем», – подумалось ей.

Через несколько минут поднос опустел, и старуха, забрав пустую посуду, вышла за дверь, проворчав:

– Спать ложись, завтра перестелешь. Дня тебе мало было.

– Хорошо, – покорно проговорила девушка и, дождавшись, пока старуха выйдет из комнаты и повернет замок ключом с той стороны, тихонько подкралась к двери.

Прислушалась к удаляющимся шаркающим шагам, затем тихонько закрыла дверь на щеколду со своей стороны.

– Чуть не попалась, – покачала она головой, – как я могла забыть про ужин. Вот дурочка. Зато теперь уже до утра точно никто не придет. А раньше отец всегда приходил меня поцеловать перед сном, – криво усмехнулась она.

Девушка развернула простынь, скрутила из нее что-то больше похожее на жгут, привязала конец к ножке кровати, скрутила вторую простынь, связала с первой, потом еще и еще. Подошла к окну, внимательно прислушалась к тишине за окном и осторожно спустила импровизированную веревку в темноту.

– Надеюсь, что длины хватит, – прошептала она и неуклюже забралась на подоконник.

Схватившись за веревку из простыней, она осторожно сползла с подоконника и, наконец, повисла на них.

– Ой, мамочка, – воскликнула она, поняв, что не может спуститься вниз, поскольку руки судорожно вцепились в простынь. Еще через мгновение она поняла, что и висеть так она не сможет, поскольку кисти рук отчаянно заломило. Превозмогая страх, она слегка расцепила руки и съехала вниз.

«Дело пошло», – отчаянно подумала она.

Она съехала еще, потом еще, пока не сползла до узла. Руки ломило невероятно, и сил, казалось, не осталось совсем. Тем не менее она разжала кисть и попыталась перехватить ее под узлом, но тут вторая рука разжалась, и она полетела вниз.

Перекопанная клумба под окнами если и смягчила падение, то по девушке этого нельзя было сказать. Она, неподвижная, осталась лежать на земле, и, казалось, очень сильно расшиблась. Некоторое время она только тяжело дышала, затем, наконец, с усилием села, покачала головой и осторожно поднялась. Тихонько, слегка покачиваясь, она прошла по дорожке к маленькой калитке на заднем дворе, которой пользовалась прислуга, и выскользнула на улицу.

Ночь подула на нее холодным ветром и мелким морозящим дождем, но она, казалось, не замечала ничего вокруг, продвигаясь по темным улочкам, иногда приваливаясь к стенам домов, чтобы перевести дух.

На самом деле она давно уже заблудилась, поскольку никогда не ходила по улицам своего города ночью. Дважды повернув совсем не в том месте, она вышла на набережную реки, оказалась на скрипучем мосту, который никогда ранее не пересекала. Пройдя его до середины, она остановилась и вдруг с непониманием оглянулась вокруг. Она совершенно не понимала, как тут оказалась, и не понимала, где вообще находится. Еще мгновение, и паника овладела ее головой.

«Боже мой, где я? Как я тут оказалась? Ой, мамочки, я хочу домой»...

Она схватилась рукой за перила и посмотрела вниз. В темноте она ничего не увидела, но в лицо ей пахнул мокрый зловонный запах. В животе у неё забурлило, выпитое недавно молоко подступило к горлу, и она с ужасом перегнулась, чтобы рвущаяся наружу жидкость не замарала ее платье. Хлипкие перила подались вперед, и она, не удержавшись, полетела вниз. Крик, невольно вырвавшийся из её рта, захлебнулся в черной воде, и она, нисколько не сопротивляясь, стала погружаться в глубину.

На ее счастье или, вернее будет сказать, на счастье ее пока еще не родившегося ребенка, все это произошло на глазах у мужчины, подъезжавшего в этот момент к мосту на маленьком паланкине.

Увидев разыгравшуюся трагедию, он мгновенно сориентировался и приказал своим людям спасти несчастную девушку. Течение реки было совсем слабым, ее немедленно

извлекли из воды и попытались привести в чувства. Откашлявшись, она тем не менее впала в какую-то прострацию и только хрипло дышала и отрицательно качала головой в ответ на любой из вопросов.

Поняв, что от «утопленницы» невозможно ничего добиться, мужчина скомандовал уложить ее в свой паланкин и перевезти в свой дом, который, по счастливой случайности, находился неподалеку.

В доме хозяина паланкина девушка потеряла сознание, а прибывший врач констатировал предродовую горячку. Ближе к полуночи у неё начались схватки, продлившиеся до самого утра.

Утром к изможденному лицу девушки поднесли замечательную малышку. Она открыла глаза, взяла в руки своего маленького ребенка и, поняв, что это девочка, разочарованно произнесла:

– Боже мой, эта девочка. Он меня никогда не полюбит, – после этого она сняла с себя маленький кулон, на котором был изображен баронский герб, и, одев на шею новорожденной, прошептала: – У моего отца больше нет дочери, но у него есть внучка. Отнесите её к нему.

После этого она закрыла глаза и, уже больше не приходя в сознание, умерла.

Часть III Студент

Студент

Милый Милиус, если бы только знал, как меня порадовала твоя маленькая записка. И даже дело не в том, что это были замечательные стихи, а они как всегда замечательные. Просто очень отрадно, что на свете есть человек, который думает обо мне, переживает и, я уверена, искренне любит меня. Не каждая женщина может похвастаться, что ей посвящают стихи, настоящие стихи, и это очень согревает мое сердце, когда уныние вдруг подбирается очень близко. Спасибо тебе.

Я хотела бы, чтобы ты знал – с «вольной жизнью» покончено, я уезжаю из этих мест надолго. Хочу начать новую жизнь и для этого решила выйти замуж. Думаю, ты удивлен. Можешь быть уверен, я удивлена не меньше твоего, но что ты хочешь, я была растерянна, немного напугана после того, что произошло на моей поляне. Я не смогла помочь людям, которые мне доверяли, и это очень гнетет меня, но я смогла выскользнуть из того кольца, которым нас обложили. Поэтому не беспокойся. Со мною все в порядке. Я попытаюсь начать новую жизнь на новом месте. Как все устроится, обязательно дам знать.

Кирия.

Милиус еще раз перечитал записку, аккуратно сложил ее и спрятал в нагрудный карман.

– Могла бы, по крайней мере, написать чуть подробнее, – пробурчал он себе под нос и, подумав немного, продолжил, – а, может, и не могла. Ладно, никуда она не денется, этот мир слишком мал для того, чтобы мы могли потеряться в нем. А вот что, интересно, случилось с Роном?

Действительно, уже больше месяца как сей молодой человек уехал по поручению Мила и уже должен был бы вернуться, но от него, как говорится, «не было ни слуха ни духа». Это несколько тревожило Мила, поскольку он чувствовал некоторую ответственность за судьбу этого мальчишки, чья дорога так тесно переплелась с его.

– Хорошо, – произнес вслух Мил, – если до конца этой недели он не появится, я попробую разыскать его сам, даже если для этого мне понадобится проделать весь его путь. Ну не мог же я забыть все то, что мне преподавали лучшие следопыты Долины.

Не успел Мил произнести эти слова, как в комнату настойчиво постучались.

– Кто бы это мог быть, – удивился он и поспешил ее открыть.

– Сюрприз! – произнесла стоящая на пороге женщина под густой вуалью.

– Графиня? – изумленно произнес Мил. – Диана?

– А ты ждал еще кого-то, мой милый бард? – насмешливо произнесла графиня Шуаси, откидывая вуаль. – Ты позволишь мне войти? Или мы так и будем стоять на пороге?

– Да, конечно, – Мил отступил в сторону и, обведя рукой свое жилище, выпренно произнес, – добро пожаловать в жилище студента старейшего университета Ловерии, где удостоились учиться лучшие умы современности, такие как...

– Какое убожество, – сморщила нос графиня, входя в комнату и цепким женским взглядом оглядывая помещение. – Как тут можно жить?

– Вполне комфортное жилище, – обиделся Мил. – Между прочим, кое-кто так меня задержал в замке, что даже эта комната далась мне с большим трудом, поскольку в это время снять жилье можно уже только на окраине города в полчасе ходьбы от университета. Мне пришлось ее буквально перекупать по бешеной цене.

– Но как ты тут помещаешься, ты тут и спишь, и работаешь, и принимаешь гостей?

– Тебе она кажется маловатой? Понятное дело, это не графские хоромы, но спешу тебя уверить, на самом-то деле в таких комнатах обычно живут по двое, а то и по трое студентов, ну, конечно, если они не дети вельмож или по крайней мере купцов. А для бастардов эта комната в самый раз.

– Ужасно, – покачала головой графиня, – но я не могу появляться в таких трущобах.

– Ну какие это трущобы, – примирительно произнес Мил, целуя ее руку.

– Наконец-то догадался, – фыркнула графиня. – А то мне на миг показалось, что ты мне уже не рад.

– Я не рад? Да я только что вспоминал тебя и твое обещание приехать на осенний бал. Правда, он будет только через месяц, и, конечно, я и не надеялся, что ты прибудешь сюда. Кстати, как ты нашла меня?

– Это было совсем просто, – невозмутимо произнесла графиня, внимательно осматривая каждый уголок комнаты, – мне стоило только заехать к коменданту, который, спешу тебе сказать, муж моей родственницы, про которую я как-то тебе рассказывала, и уже через несколько минут его подчиненный выложил все, что знал о тебе, в том числе и твой адрес. Так что, милый, я буду слегка за тобой приглядывать, – лукаво закончила графиня.

– Это очень мило с твоей стороны, – фыркнул Мил. – Я бы с удовольствием угостил тебя вином, но, к сожалению, мои друзья предпочитают пиво, и я, чтобы не отставать от них, пристрастился к этому напитку...

– И совершенно напрасно, мой милый, – проворковала графиня, непринужденно располагаясь на кровати Мила, – пиво – это напиток черни и никак не приличествует такой аристократической натуре, как твоя. Ну ничего, это дело поправимое.

Графиня повернула голову к дверям, хлопнула два раза в ладоши и громко крикнула:

– Эй, как там тебя? Зайди.

Рон, а это действительно был он, в дорожном сером костюме из мягкой набитой ткани, которая больше бы подходила какому-нибудь купцу, а не скромному слуге молодого барда, не поднимая глаз, вошел в комнату.

– Рон? – не сразу узнал его Мил.

– Да, господин Милл И'Усс, к Вашим услугам.

– Привет, дружище, как я рад тебя видеть, – Мил сжал его в своих объятьях, – с тобой все в порядке?

– Да, конечно, со мной все в порядке, – пробормотал тот, как-то опасливо поглядывая на графиню.

– Успеете еще поговорить, – нетерпеливо произнесла та, – бегом в гостиницу, где я остановилась, подойдешь к хозяину и потребуешь для меня две бутылки самого лучшего вина, корзину фруктов и копченостей. Да смотри, чтобы мне не пришлось тебя звать дважды.

Рон кивнул, виновато посмотрел на Мила и скрылся за дверью.

– Что ты сделала с ним? – осуждающе покачал он головой.

– Еще ничего, но пытаюсь выдрессировать для тебя слугу, а то стыдоба одна.

– Я не вельможа, Диана, и лакей мне не нужен. Мне больше по душе, когда меня сопровождает человек, которому я могу доверять.

– Ты, как всегда, говоришь вздор, мой милый. В этом мире, к сожалению, нельзя доверять почти никому, а уж тем более слугам. Лучше закрой дверь и иди ко мне, я так по тебе соскучилась...

– Кстати о твоём слуге, мне бы очень хотелось бы понять, что он делал в Вольсе, вернее, у Вольса, если быть точнее, – томно произнесла графиня, через пару десятков минут надевая платье и поворачиваясь к Милу, чтобы тот помог застегнуть на нем крючки.

– Я отправил его к Гарди, а по пути он должен был передать тебе письмо от меня.

– Да? Я в принципе так и поняла, только вот что он делал на дереве?

– На каком дереве? – удивился Мил.

– На таком огромном, в нем еще есть маленькое дупло, куда так удобно прятать записки. Ну вспоминай, Вы с Региной еще долго сидели возле этого дерева, когда она напросилась к тебе спутницей.

– Ну было там какое-то дерево, – недоуменно произнес Мил, – почему я должен был его помнить?

– Потому что в глубине кроны этого дерева есть одно очень полезное дупло.

– В котором живут пчелы, делающие неправильный мед, – фыркнул Мил, – я уже давно не верю в сказки, моя Диана.

– Может быть, – повела та плечом, – только вот в этом дупле иногда можно найти удивительные вещи.

– Да? И какие же? – безмятежно спросил Мил.

– Ну, к примеру, письмо на красивой синей бумаге, написанное изумительным по красоте шрифтом, начертать который мог только один человек.

– Ты не перепутала цвет, моя дорогая?

– Ну что ты, милый, – дрожащим от возбуждения и обиды голосом произнесла графиня, – ты можешь его прямо сейчас и посмотреть.

Она достала письмо из складок своего платья и протянула его Милу.

Тот невозмутимо взял его в руки, развернул и прочитал вслух:

Здравствуй, я осмелился написать это письмо....

Нет, не так, я не мог не написать это письмо, потому как мои чувства переполняют эмоции, справиться с которыми мне не только невозможно, более того, я просто не желаю с ними справляться, я не хочу даже пробовать сдерживать их в себе, а потому вынужден просто сидеть взаперти, чтобы ненароком не выдать их, и тем самым не скомпрометировать Вас.

Нет, не Вас, Тебя, ибо нельзя называть человека, любовь к которому просто сжигает тебя, на Вы, это неправильно, так не должно быть. «Вы» не про любовь, ей веет аристократическим снобизмом и гипертрофированным этикетом. «Ты» – ты любовь моя, моя желанная и недоступная. Еще недавно, когда мои губы касались твоих губ, я был на седьмом небе от счастья обладания твоими губами, и хоть эти поцелуи были робки и мимолетны, восторг овладевал каждой клеточкой моего тела. Мне хотелось воспарить с Вами, увести Вас туда, где никто не мог бы помешать насладиться этим чудным мгновением поцелуя, когда Ваши самые нежные на свете губы дарили мне ласку и радость. Где никто не мог бы помешать Нам сомкнуть свои руки в объятьях, чтобы выразить ту радость обладания друг другом, которую Вы, как я надеюсь, хоть вполонину испытываете ко мне. Впрочем, я опять скатился на Вы.

Я знаю твой ответ, не говори его вслух, ибо слова могут разрушить очарование и сделать мне еще больнее. Я безумен Тобой, я знаю это без твоих слов. Но нет, это не безумство. Безумством было то время, когда я захотел тобой обладать, хотел покорить эту, как мне тогда казалось, надменную и неприступную женщину. Безумство было, когда ты, когда ты позволила мне это сделать. Вот что такое безумство. А сейчас это страсть, это неизлечимая болезнь под названием ЛЮБОВЬ. Я заболел этой сладкой и мучительной болезнью, и нет никакой надежды на выздоровление. Я болен, и я погибаю в этой страсти, и прошу тебя об одном – спаси меня...

– Ну да, это мое письмо к тебе, – недоуменно произнес Мил, поднимая глаза на графиню. – Только мне не совсем понятно, что оно делало в дупле некоего дерева.

– В каком смысле твое письмо ко мне? – растерялась графиня.

– В прямом, это письмо Рон должен был передать тебе, в храме, который как мне помнится, ты систематически посещаешь. Я только не понимаю твоего изумления, ты просила меня хоть изредка писать тебе, а когда я выполнил твою просьбу, пытаешься уличить меня в каком-то несуществующем обмане.

– Не лги мне, мой милый бард, – каким-то хищным тоном произнесла графиня.

– Вот уж и не собираюсь, – безмятежно посмотрел ей в глаза Мил. – Я никогда не говорил тебе, что я патологически честен? Иногда я укоряю в этом сам себя.

– Тогда, что это письмо делало в дупле дерева?

– Да я-то откуда знаю, это можно спросить у Рона, как только он вернется из долгого путешествия за вином.

– Думаю, что он уже вернулся и дисциплинированно ждет за дверью.

– Вот и славно, я потом его порасспрошу, мне и самому интересен ход его действий.

– Было бы правильнее это сделать при мне, – с холодком произнесла графиня.

– Вот ещё. Уж со своим слугой я разберусь как-нибудь сам, – отрезал Мил.

– Хорошо, допускаю, что с этим письмом могло произойти недоразумение, но что ты скажешь про это письмо? – и графиня, словно фокусник, достала свернутый зеленый листок.

– А я что-то должен сказать? – удивился Мил.

– Еще бы, – разозлилась графиня.

– Это письмо написал я, и адресовано оно было совершенно другому человеку, мне очень жаль, что оно попало к тебе.

– Можно узнать имя этого человека? – хриплым голосом произнесла графиня.

– Вот уж нет. Могут у меня быть свои тайны?

– Нет, не могут, – почти прокричала графиня, – или ты сейчас говоришь мне правду, либо окончишь свои дни в одной уютной камере под замком Шуаси.

– Моя милая, я, к моему удовлетворению, не твой раб, не твой вассал. Я свободный человек, и если и ниже тебя по происхождению, то это несколько не умаляет моих прав свободно распоряжаться своей собственной жизнью по своему усмотрению.

– Можешь мне поверить, мой дорогой, и более знатные люди находили свой последний приют в казематах Шуаси, – спокойным тоном произнесла графиня. – Я, к твоему сведению, если бы очень захотела, могла вытрясти всю правду с твоего мальчишки, но не стала этого делать в память о нашей дружбе.

В комнате повисла тишина.

– Любимый, не бросай меня, – чуть слышно прошептала графиня.

– Да я и не собирался. С чего ты вообще взяла? Выдумала себе невесть что и раздула из этого невероятную бурю, – погладил ее по щеке Мил.

– Правда?

– Ну конечно.

– И ты меня любишь?

– Но, Диана, как тебя можно не любить? Это невозможно в принципе.

– Врешь ты все, господин бард, – вздохнула она, поправляя на себе платье, – где там этот маленький негодник?

Она хлопнула в ладоши и негромко крикнула:

– Эй ты, как там тебя, Рон!

В дверь осторожно заскреблись, и Мил, подойдя к ней и открыв засов, впустил мальчугана.

Тот подошел к столу и торопливо стал вытаскивать из небольшой плетеной корзины свертки, в которых оказались сдобные булочки, сыр, фрукты, медовые орешки – то, чем любила побаловать себя графиня во времена вечерних трапез, в ожидании ужина или далеко после

него. Рон покрутил головой в поисках посуды, куда можно было бы выложить содержимое свертков, и вопросительно посмотрел на Мила.

– И не думай, – покачал головой тот, – у меня отродясь не было никакой посуды, а если и была, то та давно уже разбита, вот пару оловянных бокалов, это да, они там в буфете, так что оставь все в свертках.

Рон кивнул и закончил эту нехитрую сервировку водворением во главу стола двух бутылок вина, сходил в указанном направлении и принес два высоких бокала. Закончив все эти действия, он вопросительно посмотрел на Мила.

– Иди, погуляй часок по городу, – потрепал тот его по плечу, – а потом мы все обсудим. Надеюсь, ты не собираешься поступать на службу к госпоже графиня?

– Я и не думал, – серьезно посмотрел ему в глаза Рон, – просто госпожа графиня забрала у меня вашу бумагу и пообещала, что если я попробую сбежать, она повешает меня на первом же дереве, предварительно содрав кожу.

– Вот еще, – пожал плечами Мил, – уверен, она просто пошутила. Ладно, иди, все это после.

Мил закрыл за ним дверь и с укоризной посмотрел на графиню.

– Ну и зачем ты его так напугала?

– Заметь, только напугала, а могла и выпороть. Или еще лучше – отдать в руки дознавателей, знаешь, они отлично умеют находить ответы на мои вопросы. Налей мне вина, если ты, конечно, гарантируешь, что из этих бокалов не пила какая-нибудь шлюшка, знаешь, подцепить заразу у тебя, это было бы слишком.

– Вообще-то гарантирую, но если тебе будет спокойнее, то я налью тебе в свой бокал, из него пью только я. Поскольку все мои друзья считают снобизмом пить из такого дорогого бокала.

Мил подошел к буфету и достал с верхней полки высокий бокал из голубого стекла.

– Я купил у ювелира два таких, думал, приедешь, и мы отметим встречу, наливая вино в это маленькое чудо. Но, к сожалению, один я не уберег, он разлетелся на маленькие осколки, когда я уронил его, хвастаясь друзьям, какое приобрел чудо. Кстати, они это не оценили, особенно узнав его стоимость. Назвали меня мотом и еще каким-то обидным словом, которое я, впрочем, и не запомнил.

Мил произнес все это, откупоривая бутылку и разливая вино по бокалам.

– В одной умной книжке я читала, что не стоит метать бисер перед свиньями, – скривила губы графиня.

– Да нет, на самом деле они нормальные, – попытался заступиться за них Мил, протягивая один из свертков графине.

– О, мои любимые орешки в карамели, как я их обожаю, – восхитилась графиня.

– Я вижу, Рон досконально изучил твои вкусы, – поднял на нее глаза Мил.

– Да ты никак на меня сердит, – рассмеялась графиня, – было бы из-за чего. На самом деле я и пальцем не тронула твоего лакея, так, припугнула немного, для остротки, а ведь на самом деле могла.

– Какое благородство, – желчно произнес Мил.

– Да ладно, какое уж там благородство, – проговорила графиня, отпив из бокала добрую половину вина. – Просто посмотрела в глаза этому юноше и сразу поняла – такого проще убить, чем возиться. Нет, конечно, можно было бы отдать его в руки дознавателя...

– Знаешь, дорогая, иногда ты настолько простодушно откровенна, что у меня мороз идет по коже. Особенно когда я представляю себе некие подробности.

– Милый, ты тоже хорош, отправляешь мальчишку в такое путешествие, да еще с таким, скажем прямо, щекотливым поручением. Ладно, я смирилась с мыслью, что мне придется потерпеть, чтобы ты сам разъяснил мне сложившуюся ситуацию, а если бы он попал в руки,

так сказать, моего мужа? И висел бы твой юнец где-нибудь на заднем дворе, подвешенный на крюке. А твое поручение к твоему барону так и осталось бы не выполнено. Кстати, твоя посылка так пахивала колдовством.

– Каким колдовством? – недоуменно переспросил Мил.

– Ну что там этот бедолага вез Гарди.

– Обыкновенный амулет, – пожал плечами Мил.

– Может, и обыкновенный. А, может, и какой атрибут черной магии, лишний повод повесить этого несговорчивого гонца.

– Не сгущай краски, Диана.

– Ты или непроходимый тупица, или настолько юн и наивен...

Графиня внимательно посмотрела на Мила и, вздохнув, произнесла:

– Да, скорее уж, второе. Мой милый, скорее уж взрослей и реально оценивай свои поступки.

– Да, я, наверное, действительно поступил несколько опрометчиво, – пробормотал Мил, подливая графине вина.

– Еще бы. Хорошо, что я взялась за дело и дала твоему гонцу надежный эскорт, чтобы уберечь его от дальнейших неприятностей. И даже не поленилась сама сопроводить его к тебе. А ты тут разыгрываешь роль обиженного любовника.

Она допила вино из бокала и, прищутив глаза, пристально посмотрела на Мила.

– Ты ничего не хочешь сказать мне, милый?

– Что ты хочешь услышать от меня, милая? – лукаво улыбнулся ей Мил.

– Знаешь, когда-нибудь я все-таки заключу тебя в казематы, – вздохнула графиня – можешь не сомневаться, у тебя будут самые роскошные апартаменты. Но ты все равно будешь моим узником.

– Да ладно тебе, – примирительно произнес Мил. – Далось тебе это глупое письмо. Я просто рассказывал одной даме свой сон.

– И как звали эту даму? Нет, мне просто интересно? – вдруг охрипшим голосом произнесла графиня.

– Изволь, если это так тебя интересует. Только поклянись, что не подвергнешь эту даму репрессиям.

– Репрессиям? Ты всегда говоришь настолько заумно, что иногда кажется, что ты издеваешься над своим собеседником. Впрочем, возможно, так и есть. Я обещаю, что и пальцем не трону твою избранницу.

– Избранницу? Знаешь, я не доставлю тебе удовольствия дальше развивать эту тему. В конце концов, ты сама придумала себе невесть что.

– Имя, дорогой.

– Имя? Ну что ж, получи имя. Эту даму зовут... – тут Мил попытался сделать драматическую паузу, но, наткнувшись на хищный взгляд графини, торопливо закончил, – ее зовут мадам Лярна.

– Ляра? – удивленная графиня изменилась в лице, поперхнулась вином и громко расхохоталась.

– Ну да, Ляра, – обиженно произнес Мил, – а что тут, собственно, смешного, она, между прочим, моя официальная дама, с твоей легкой руки.

– Ну конечно, как я не догадалась, мой милый бард все еще льстит себя надеждой ее покорить, а эта злодейка водит его за нос. Да, не ожидала от тебя такой наивности.

– Наивности? При чем тут наивность. Ну да, пока мои дела дальше невинных поцелуев не зашли, но я не привык отступать.

– Оставь эту затею милый, она тебе не по зубам. Уж поверь мне.

– Это мы еще посмотрим, дорогая, – слегка поклонился Мил.

– Посмотрим, посмотрим, – безмятежно проворковала графиня, настроение которой резко улучшилось. – Осталось узнать, кто должен был передать Ляре письмо.

– Я не могу ничего тебе больше сообщить, – недовольным тоном процедил Мил.

– Да и не надо. Итак все ясно. Если учесть, что в это время Ляра гостила в Вольсе, то есть два варианта. Либо она сама должна была забрать это письмо, что маловероятно. Либо его ей должна была передать Регина. И я склоняюсь к последней версии. Вы, по-видимому, сговорились с этой бестией во время вашего прощания под этим деревом.

– У тебя гипертрофированная дедукция, дорогая.

– Не умничай, дорогой, лучше признайся, что я права.

– Вот уж ты больше не добьешься от меня ни слова, – поклонился Мил.

– Ну и не надо. Я сложила этот чудовищный пазл. Сначала я подозревала, что у тебя связь с Региной, но не могла поверить, что ты сможешь так поступить со своим сюзереном. Да и не в твоих правилах покушаться на столь легкую добычу.

– Диана, я сто раз тебе говорил, что Гарди мне не господин. Мы просто друзья.

– Да, да, я помню, – рассеянно проговорила графиня, поднимаясь и оправляя на себе платье. – Мне, к сожалению, уже пора, милый, сегодня я должна быть на приеме у герцога. Завтра я заеду за тобой, и мы подберем тебе более приемлемое жилье.

– Но моё меня вполне устраивает.

– Ну уж нет, ты же не собираешься жить в одной комнате со слугой?

– Я, честно говоря, не думал об этом. По крайней мере, можно вполне поставить раздвижную ширму. Это будет даже удобно.

– Не смей меня. К тому же я ведь говорила тебе, что не могу тебя здесь навещать. Но ты вполне можешь оставить ее за собой, для своих друзей и юных шлюшек, которых, не сомневаюсь, ты сюда водишь.

– Я не вожу сюда шлюшек, – вздохнул Мил.

– И это правильно, – проворковала графиня, натягивая на руки перчатки и опуская на лицо вуаль, – лучше завести постоянную любовницу. Но имей в виду, ты можешь это сделать только после моего отъезда. Я не наивная простушка, – подняла она руку, прерывая попытку Мила что-то ей возразить, – и понимаю, что мужчине с таким бешеным темпераментом чуждо понятие верности, и готова с этим мириться. Но это с условием, что расстояние между нами не только не позволит меня застать тебя врасплох неожиданным появлением, но и даже слухи не донесутся до моих ушей.

Графиня величаво подошла к двери и, отперев засов, обернулась:

– Уже сегодня по почте я прикажу начать некоторые переделки в моих казематах, думаю, тебе понравятся некоторые мои идеи, я хочу их завтра с тобой обсудить.

– Диана, в гневе ты прекрасна, – попробовал обнять ее Мил.

– Оставь, мне действительно пора. Но не думай, завтра ты так быстро от меня не отделаешься, – она хищно улыбнулась и вышла из комнаты.

– Какая женщина, – покачал головой Мил, – сколько в ней экспрессии. Мечта поэта. Правда, это иногда утомляет.

Он налил в бокал вина и уселся на кровать.

– Но в одном она права, надо будет снимать еще одно жилье, иначе она разгонит всех моих знакомых и еще не приведи столкнется...

С кем может столкнуться графиня, он договорить не успел, поскольку в дверь тихонько постучались, и Мил, очнувшись от столь занимательного монолога, встал и впустил своего юного слугу.

– Ну здравствуй еще раз, – приветливо улыбнулся он, дружески похлопывая того по плечу.

– Я подвел Вас, господин Милл И'Усс.

– Есть немного, – кивнул Мил, закрывая за Роном дверь. – Но мне кажется, я смог несколько сгладить ситуацию. Только я никак не могу взять в толк, как ты мог все перепутать?

– Я виноват, – опустил голову Мил. – И готов понести заслуженное наказание.

– Вот еще глупости, тоже нашел воспитателя. Запомни раз и навсегда – я не собираюсь тебя ни воспитывать, ни тем более наказывать. Случившееся, конечно, штука неприятная, и надо разобраться в ситуации, чтобы впредь ее не повторять. Налей себе вина и рассказывай по порядку.

– Мои родители строго-настрого запрещали пить вино, – виновато покачал головой Рон, – вот немного пива или эля – это другое дело.

– Как хочешь, только немного вина тебе не повредит, тем более такого чудесного. Хозяин гостиницы расстарался на славу.

– Да уж, – фыркнул Рон, – госпожа графиня умеет расположить к себе людей.

– Рассказывай.

– Дело в том, господин Милл И'Усс, что у меня есть одна не очень приятная особенность организма. Можно даже сказать, болезнь. Просто раньше она не мешала мне жить, но в этот раз...

– Да что у тебя там?

– Дело в том, что я с детства не различаю цвета. Эта болезнь называется даже как-то поумному. Я, к сожалению, не запомнил.

– Дальтонизм, – кивнул Мил. – Ты совсем не различаешь цвета?

– Да, – кивнул Рон. – Говорят, это бывает очень редко.

– Это действительно так, насколько я помню, чаще всего не различают один или два цвета.

– И это неизлечимо? – Рон вопросительно посмотрел на Мила.

– Да, современная медицина не в силах с этим бороться. Хотя ходят слухи, что на свете есть чудесная страна, в которой победили все болезни. Но попасть туда – это большая удача.

– Хотелось бы мне туда попасть, – задумчиво пробормотал Рон.

– На свете нет ничего недостижимого. Жизнь богата сюрпризами. Но вернемся, однако, к нашей проблеме. Теперь все несколько проясняется. Тебе следовало сказать мне о твоей небольшой особенности.

– Честно говоря, я побоялся, что слуга с таким недостатком может Вам не понадобиться.

– Знаешь, Рон, – хлопнул по плечу его Мил, – на самом деле все это не повод отказываться от услуг такого преданного человека. Говорю тебе на полном серьезе, так как оценил тебя за время нашего совместного путешествия. Что же до сложившейся ситуации, то, надеюсь, ты понимаешь, что если бы ты сообщил об этом раньше, мы могли бы не оказаться в таком щекотливом положении.

– Теперь я это понимаю. Но тогда мне казалось – делов-то, разложить письма по разным карманам, и нет проблем. Да так бы оно и было, если бы я не попал в руки к этим разбойникам, от которых Вы меня и вызволили.

– Ну-ка давай все по порядку, – Мил уселся на кровать и кивнул Рону в сторону большого дивана, на котором тот и расположился.

Прогулка

– С самого начала все пошло совсем не так, как я себе это представлял. Совершенно не так.

Как я представлял? Ну вроде как увеселительную прогулку. Свое рода путешествие или, как Вы изволили как-то раз сказать, вояж.

Нет, Вы не подумайте ничего плохого, я и не собирался отклоняться от выбранного маршрута, просто дал себе немного пофантазировать, что я герольд, а, может, и даже тайный посланник, выполняющий важную и секретную миссию. А, может даже, и отважный рыцарь, спешащий по делам своего сюзерена.

Фантазер? Скажите лучше болван, так будет более справедливо, хотя, наверное, слишком мягко. Представляю, какими эпитетами наградил бы меня мой отец.

Эпитетами, надо же, а ведь еще полгода назад я даже и не знал значения этого слова. Да что там значения, я самого слова-то такого не знал.

Да, извините, господин Милл И'Усс, я несколько увлекся. Как я сказал, с самого начала все пошло не совсем так, как должно было. Прежде всего эти купцы. Ну ладно они были бы только скупы, при их-то профессии это неудивительно, но быть к тому же еще и такими глупцами и трусами?

Извольте объясню. Они изначально отказались от профессионального конвоя. Согласен, штука несколько дорогая, хотя если учесть, сколько они потеряли...

Далее они наняли в проводники людей, вид которых лично мне с первого взгляда показался подозрительным. И как бы Вы ни называли меня плохим физиономистом, я не удивлюсь, если узнаю, что они были заодно с напавшими на нас бандитами.

А что, неплохой бизнес – сдавать по пути глуповатых купцов. Я это придумал, когда сидел взаперти у этих самых разбойников. Думаете, я неправ? Ну Вам, конечно, виднее.

Ну и, наконец, сами они оказались самыми настоящими трусами. Я имею в виду купцов, конечно. К тому времени как разбойники повязали всю охрану и уложили меня, от наших купцов простыл и след.

Я помню, меня закинули на лошадь, словно какую-то тряпичную куклу, потом я несколько раз терял сознание, приходил в себя и видел только петляющую дорогу, снова терял сознание, пока это все, наконец, не кончилось.

Так я оказался в самом настоящем разбойничьем лагере. Не будь мое появление в нем столь экстремальным, мне бы это показалось даже забавным, но не в этот раз. Меня обобрали до нитки, сняли с меня сюртук, допросили и заперли в яме. Надо отдать должное, меня попытались накормить, но мне хотелось только пить. А от еды меня тошнило.

Они не настаивали, влили в меня какой-то гадости, от которой боль ушла, а взамен ей пришел сон без сновидений. Но по крайней мере я не чувствовал больше ни боли, ни тошноты.

А затем все как в старинных балладах, появились Вы и с величественным видом высвободили меня из этого плена. Ещё мгновение, и мне вернули все мои вещи, в карманах лежали письма, несколько помятые, но целехонькие. Мне бы стоило, конечно, показать их Вам, но голова еще не совсем хорошо соображала от удара, да к тому же события развивались довольно стремительно.

Вы вручили мне письмо для барона Гарди, небольшой сверток, дали провожатого, хлопнули по плечу, и я отправился в путь.

На самом выезде нас окликнула атаманша, которая напутствовала моему провожатому как лучше ехать и велела оберегать меня. Меня, который лет на пять старше него самого. Затем внимательно посмотрела мне в глаза и произнесла: «А ведь ты не совсем здоров, милоч»,

взялась за мою голову своими холодными ладонями, посмотрела ласково в глаза, шелкнула по носу, и я вдруг понял, что так хорошо я никогда себя не чувствовал.

«Что, лучше? – засмеялась она. – Знаю, что лучше. Услуга за услугу, передай этот флакончик барону Гарди, скажи от девы, чей портрет висит в его спальне, и попроси за этот флакончик оградить от нескромных глаз этот самый портрет. А еще лучше вообще убрать его с глаз, если только он не может совсем его уничтожить».

Потом она кивнула моему провожатому, и мы тронулись в путь. Странная это была дорога, почти все время узкими тропами, молча. За все путешествие мы едва обмолвились парой десятков слов, я было думал, что мой напарник вообще немой. По крайней мере изъясняться он привык больше жестами. Я даже имя его не узнал. Только один раз за все время, что мы были в пути, нам удалось поспать на сеновале и поесть горячей пищи. Это когда мы заночевали в каком-то лесном домике, хозяин которого сам был похож на какое-то лесное существо, а не на человека. Там мы всласть выспались и наелись и снова отправились в путь.

Оставил он меня следующим вечером у трактира на землях барона Вольса со странным названием «Единорог», на вывеске которого была изображена толстая корова с одним рогом. Пошептавшись о чем-то с трактирщиком, он объявил, что на этом его миссия окончена, а поутру мне следует направляться на запад в сторону замка, который и есть Вольс. Далее по тракту от замка я и попаду в Шуаси, ну а дальше найдутся добрые люди, которые подскажут дорогу.

Не говоря больше ни слова, он развернул лошадь и был таков.

Трактирщик заставил показать меня все мои бумаги и, прочитав их, объявил, что с ними я могу свободно перемещаться по графству, не опасаясь ничего, после отправил меня на кухню, где меня накормили и уложили спать.

Утром я направился к замку, памятуя, что где-то там находится искомое дерево. Деревом я нашел без труда, местность, благо, была уже знакома, а вот дупло я искал очень долго и когда спустился вниз, то оказалось, что там меня уже ожидает лейтенант личной охраны госпожи графини.

Когда он вежливо поинтересовался, что я делаю на дереве, я не нашел ничего лучшего как ляпнуть, что решил немного поразмяться и поискать птичьих гнезд.

Вот-вот, лейтенант тоже выразил сомнение, что я могу в это время найти что-нибудь в гнездах. Потом внимательно на меня посмотрел и неожиданно для меня спросил о Вашем здоровье. Я было обрадовался, что меня узнали, и вроде проблемы как бы решатся сами собой, помня, как Вас все уважали. Но не тут-то было. Прочитав предъявленные ему бумаги, лейтенант предложил мне следовать за ним, предупредив, что будет со мной, если я попытаюсь сбежать.

Дорога до замка не заняла много времени, и я, к своему удивлению, предстал перед светлыми очами госпожи графини. Она выразила свое удивление моим появлением, но знаете сударь, мне показалось, что она ничуть не удивлена. Я даже подумал, может, это ее трактирщик предупредил, опять же зачем это ему.

Когда я передал ей письмо от Вас, она очень долго его читала, поминутно меняясь в лице, вот тогда я по-настоящему испугался и вспомнил все те страшные вещи, какие про нее говорили.

Ну на вроде того, что в подземельях замка находятся страшные казематы, в которых томятся все неугодные ей люди. Ну там еще вроде как пыточная камера, короче всякие страсти.

Прочитав письмо, она пригласила лейтенанта, с которым очень долго о чем-то вполголоса разговаривала. Затем позвонила в колокольчик и прибежавшим слугам повелела меня отмыть, поскольку от меня, так сказать, неприятно пахнет. Можно подумать, я какой вельможа.

Меня действительно отмыли и одели в чистое, но при этом отобрали все вещи, которые у меня были. В том числе и Ваше письмо к господину Гарди и сверток, который я всегда носил за пазухой.

После этого меня привели в маленькую комнатку, где сидели два здоровенных дознавателя. Я их как увидел, так сразу от страха весь вспотел. Они стали по очереди на меня орать, угрожать всякими пытками и даже разложили на столе какие-то страшные предметы, которые, по их словам, неплохо развязывают языки даже у прожженных бандитов, а не только у таких сопляков, как я. Честно говоря, я так перепугался, что вообще перестал что-либо соображать, только икал и все время потел.

Нет-нет, меня не пытали. К счастью, дальше встряхивания за грудки дело не двинулось. Так ничего от меня и не добившись, они посадили меня на лавку, дали кувшин с водой, который я так весь и выпил.

Дождавшись, когда я успокоился, они вдруг начали со мной говорить нормальным тоном, называть ласково дружок, хлопать по плечу, говорить какой я крепкий мальй. Не знаю, что они от меня хотели услышать в ответ, я единственно твердил, что путешествую по делам господина Милл И'Усса, о чем свидетельствуют отобраанные у меня бумаги.

Они вроде как закивали, мол, понятно все. И вдруг выкладывают на стол Ваш сверток, разворачивают его, а там...

Честно говоря, я и не понял сначала, что там такое. Так они в два голоса разъяснили. Это, говорят, такая штука, которую в простонародье называют «амулет». И не просто амулет, а атрибут черной магии, за который меня при желании можно сжечь на костре или, по меньшей мере, затравить собаками.

Вот тогда я, сударь, испугался очень сильно. Вы уж простите, но я как рассуждал: никто меня не может осудить, если я выполнял волю своего господина, на то он мой господин и есть, даже если у меня в кармане лежит вольная. Но вот быть обвиненным в колдовстве... тут я смалодушничал. Чего уж там, мне бы молчать или сказать, что знать ничего про эту вещь не знаю, так нет, я признался, что вместе с письмом должен был передать эту штуку барону Гарди и флакончик с жидкостью тоже, он как раз взял его в руки, дознаватель в смысле.

Они переглянулись между собой, позадавали еще немного мне вопросы, для чего эти вещи были нужны барону, как он их собирался использовать. Я на это только пожал плечами. Я ведь и взаправду ничего этого не знал. Да они сильно и не настаивали, назвали меня курьером, закрыли в каком-то каменном сыром и очень холодном помещении, напоследок пообещав, если я ничего больше не вспомню, наутро подвесить меня на дыбу и вогнать раскаленный прут в... Ну, Вы понимаете куда.

Да нет, ничего этого они не сделали. Но ночь я провел не очень хорошо.

Утром меня отвели к графине, которая несколько рассердилась, что ночь я провел в этой камере, и холодно сказала дознавателям, что ее совершенно не интересует тот бред, который тут написан. А выяснить они были должны совершенно не это, а за чрезмерное усердие им самим придется пару ночей провести в этой камере. Короче, она их прогнала, но пригрозила мне, что сама во всем разберется, и потом уж всем несдобровать. После этого меня накормили и отвели в комнату, где была мягкая постель, в которую я и завалился.

Не берусь судить, сколько я проспал, помню, что ко мне несколько раз кто-то заходил, о чем-то спрашивал, я, похоже, что-то отвечал. Короче, когда я проснулся, было далеко за полдень, вот только не уверен, какого дня. Есть хотелось...

Только поесть и не пришлось, поскольку как только услышали, что я проснулся, так сразу ко мне в двери и потащили к графине, заждалась, говорят, а будить не велела. Ну так мы сразу и пошли, я только-только по нужде сходить поспел.

Графиня в тот раз со мной была гораздо ласковее, чем прежде, всё пыталась у меня прознать, кому было предназначено это письмо. Я ей честно и говорю, так, мол, Вам, ваше сиятельство, я ж для этого весь этот путь проделал, а уж потом я должен был в Лозию-то отправиться.

И тут она бац и выкладывает на стол то письмо, которое я сударь в дупло-то спрятал. Во, думаю, попал-то как я.

«А кому, голубчик, ты это письмо вез?» – спрашивает значит. И что я мог ответить? Сказать, что знать ничего не знаю про второе письмо? Так ведь знаете, сударь, буквы там очень уж похожи друг на друга, а мне как-то один писарь сказал, что по этим буквам знающий человек всегда может определить, что писал эти письма один человек. И даже угадать – который.

Вот-вот, по почерку, значит. Поэтому я юлить не стал и честно сказал, да, мол, я и положил это письмо в дупло того дерева, только кому оно предназначено мне неведомо, поскольку не моего ума это.

Графиня подумала тут еще немного, позвонила в колокольчик и вошедшему рыцарю сказала: «Забирайте этого проходимца, да головой мне ответите за его жизнь».

Рыцарь голову склонил, меня за плечо хватя, еще немного, и я уже в карете, а там в шкапке все мои вещи, значит. Так в карете и поехал, как вельможа.

Рыцарь тот из личной гвардии её сиятельства оказался, а с ним еще двое всадников, особо они со мной не разговаривали, но когда приходилось, были кратки и корректны. Он объяснил мне, что графиня повелела доставить меня в Лозию, чтобы я выполнил все поручения господина барда, то есть Ваши, сударь, а поскольку мы поедем через графство Борн, то лучше мне лишний раз не высовываться. Поскольку Борн находится в состоянии войны с Лавией и очередным охлаждением отношений с Испой, то я могу сойти за шпиона.

Честно говоря, никакой логики в его словах я не услышал, но уточнять не стал, не высовываться, значит не высовываться, оно и к лучшему. Так без каких-либо проблем и доехали.

Нет, останавливать нас останавливали, и в Борне, и в Лозии, но все переговоры вел сей рыцарь, и ему всегда удавалось договориться. Так и добрались до Лозии, где нас немедленно принял барон Гарди.

Он обменялся приветствиями с господами рыцарями, повелел разместить их в лучших комнатах замка, а сам увел меня в свой кабинет и стал расспрашивать про Вас, сударь.

Выглядел? Очень плохо выглядел, если честно. Похудел очень сильно, щеки словно ввалились внутрь, а глаза, глаза как у старца. Бледный весь. Он ведь почти совсем не выходил из дома, как мне потом сказали на кухне, все больше лежал, поскольку раны не заживали, а только гнили. А я еще думал, что за запах от него странный идет.

Рассказал я вкратце про Вас, передал письмо, амулет тот злосчастный и пузырек от атаманши. Он письмо прочитал, сверток развернул хмыкнул и удивленно так у меня спросил: «Господин Милл И'Усс уверен, что это решение проблем?»

Я было хотел ответить, что я знать ничего не знаю, да только и не успел, барон сам ответил на свой вопрос. «Да, наверное, он человек крайне благоразумный и попусту советовать не будет». После этого он надел амулет на себя и взял в руки флакончик. Тут я ему и объяснил все, как мне госпожа атаманша приказала. Вы бы видели, как он на меня посмотрел. Заставил все в подробностях рассказать, как я к ней попал, как Вы меня вызволили. Заставил описать ее как можно подробнее. Потом задумался, долго так молчал, а затем и говорит: «Ну что ж, хуже мне уже точно не будет, хуже, я скажу тебе, мне просто не может быть, а если это она, а я склоняюсь к этой мысли, то к тому же есть шанс ее найти».

После этого он положил сей флакончик к себе в карман, а меня по моей просьбе отправил проведать родных.

Это были замечательные три дня. Мама была так рада моему возвращению.

Да, спасибо, все замечательно, господин барон сделал все как обещал, даже больше. Можете себе представить, на меня сбегались посмотреть все жители деревни. Еще бы, ведь я

в их понимании настоящий путешественник. Я своим приездом затмил всех местных знаменитостей...

Нет, с бароном всё в полном порядке, после того как я погостил дома, он снова принял меня в своем кабинете. Я и сейчас в полном изумлении. Представляете, сударь, когда я увидел его во второй раз, от его болезни осталось только его давнишняя бледность ну и, может, худоба, хотя в последнем не поручусь, мне показалось, что за то короткое время, что я его не видел, он несколько прибавил в теле.

Уж не знаю, чему можно это приписать, колдовству или магии, но факт остается фактом.

По-видимому, барон заметил мое удивление, потому что громко и даже, мне показалось, как-то особенно жизнерадостно захохотал, хлопнул меня по плечу и произнес: «Ты сам все видишь, так и передай своему господину. А я выберу время и отпишу ему письмо».

После этого была официальная церемония прощания с моими спутниками. Барон передал послание госпоже графини, затем они отобедали.

Нет, на обед меня не пригласили, да оно и правильно, негоже мне сидеть с господами рыцарями. Но не беспокойтесь, я своего не упустил на кухне, где мне были предложены все блюда, которые были у барона на столе. Мне даже прислуживали два лакея, роскошь, от которой я рад был бы отказаться, но на то были строгие приказания господина барона.

Наутро мы уехали и без особых приключений добрались до Вольса. Господин барон даже выделил мне лошадь, чтобы я временами мог размяться, а не сидел бы сиднем в карете. У меня была мысль как-нибудь бросить ее в галоп и скрыться от моей охраны, но, честно говоря, я не рискнул.

Да, может, и правильно, Вам виднее.

Да нет, ничего, только уж сильно взяла меня в оборот госпожа графиня, говорит: «Я сделаю из тебя настоящего слугу». Я, было, попробовал сказать, что господина Милл И'Усса вроде как и устраивает моя служба, на что она задала мне затрецину «за глупость и пререкание».

За эту неделю, что мы неспешно путешествовали с госпожой графиней, каких только наук она и ее камергер мне не преподали. Что я только не делал. «Эй, как там тебя, туда, несносный мальчишка, сюда».

Да я не ворчу, это я так.

Да, конечно, заметил, сударь. Носит он его, я его сразу увидел под камзолом. Только запах у него какой-то странный, у амулета-то, я, когда вез, не замечал, а как у барона его увидел, так сразу почувствовал. Это даже господа рыцари заметили, они как-то даже на привале стали это обсуждать, пока их старший, который меня от госпожи графини уводил, не посоветовал им языки поприкусить.

Нет, имен их я, к сожалению, не спрашивал, а когда он представлялся господину барону, то назвался не то Бироном, не то Мироном, я особо не расслышал, поскольку меня поначалу у дверей оставили, пока господа знакомились.

Вот такая вот история у меня вышла, сударь. Может, я где и неправ был, Вы уж меня извиняйте.

На некоторое время в комнате повисла тишина, затем Милл поднялся, потянулся, звучно затрещав суставами.

– Все нормально, Рон, я и сам, похоже, наделал немало ошибок, так что воспримем все случившееся как должное и в будущем будем умнее. Договорились?

– Да, конечно, как скажете, – кивнул Рон. Он помолчал и неуверенно спросил: – Сударь, а разве бывают такие лекарства, которые могут из немощного больного за пару дней сделать здорового человека?

– Ты и сам был этому свидетелем, – пожал плечами Мил, – на самом деле на свете есть много чего удивительного и на первый взгляд загадочного, но при ближайшем рассмотрении имеющего вполне простое объяснение.

– Может быть, – задумчиво произнес Рон, – хотя мне кажется в этом случае...

– Не бери в голову, – улыбнулся Мил, – кстати, ты вполне можешь расположиться на диване. Он очень удобен, а я вижу, ты устал от той размеренной жизни, которой окружила себя госпожа Шуаси.

– Ну не то что бы устал, просто служба у Вас, сударь, гораздо, как бы это сказать, комфортнее, что ли.

– Еще бы, – усмехнулся Мил, – мне кажется, я самый непритязательный и благожелательный господин. Хорошо, – кивнул Мил, – увидев, что Рон послушно устроился на диване, положив голову на мягкий широкий валик. – Теперь пару минут молчания, мне надо дописать колыбельную, которую я пообещал спеть одному хорошему человеку.

Мил взял в руки лютню, задумчиво поперебирал струны и, по-видимому, добившись нужного звучания, вполголоса запел:

Спи, мой котенок, сладостных снов.
Я, как ребенка, баюкать готов.
Спи, мой котенок, пусть снятся тебе,
Что наяву пожелала б себе.

Пусть тебе снится чистое поле,
Пусть тебе снится счастье и воля,
Пусть успокоит ветер ночей,
Пусть прилетит к тебе сладкий Морфей.

Снятся пусть залы прекрасных дворцов,
Арки великих волшебных мостов,
Пусть прилетит к тебе сказочный джинн
Или король, что тобой «одержим».

Пусть утекут ручейком все печали,
Станут чуть ближе далекие дали,
Радость и счастье кружит хоровод,
И, словно сказка, спешит Новый год.

Спи, мой котенок, сладостных снов,
Рядом с тобой оставаться готов.
Спи, мой котенок, я рядом с тобой —
Милый, любимый, единственно твой.

Звуки лютни умолкли, он слегка задумался, потрянул головой и чуть слышно произнес:

– Слова бы, конечно, еще доработать, но, с другой стороны, нет предела совершенству, я, наверное, многого хочу от колыбельной. Это, в конце концов не ода. Да и времени, собственно, больше нет. А ты как думаешь? – обратился он к Рону.

В ответ донеслось мирное посапывание.

– Что и требовалось доказать, – пожал плечами Мил. – Ладно, оvationi будут чуть позже, а пока мне надо сделать пару визитов, и к тому же безотлагательно. Думаю, графиня не шутила,

говоря, что не потерпит моих шалостей. Не удивлюсь, если она приказала следить за мной. Ну да на это у меня есть одна полезная вещица

Проговорив всё это себе под нос, Мил достал из шкафа старый потертый плащ и накинул его себе на плечи.

– Надо бы его как-нибудь отреставрировать, а то он не соответствует имиджу известного барда, – передразнивая графиню, произнес он. – Ну уж нет, милая, я обыкновенный студент, и эта роль мне ужасно нравится.

С этими словами Мил закутался в плащ и выскользнул за двери.

Свидание

Узкие мощеные улицы Талио контрастно отличались от улиц городов, в которых пришлось побывать Милу. Если, к примеру, в Мариине вельможи предпочитали перемещаться в каретах либо на лошадях, и это проделывалось без особых проблем для передвигающихся пешком жителей, то в Талио на лошадях могли позволить себе проехать только члены правящего дома либо офицеры, находящиеся у них на службе.

Мало того, быстро несущийся всадник вполне мог сбить зазевавшегося пешехода, не говоря уже о проезжающей карете, приближение которой заставляло жителей прижиматься к домам. Поэтому перед едущей каретой зачастую скакал всадник в соответствующей ливрее и громким криком рекомендовал окружающим уступить дорогу.

Знать предпочитала передвигаться в роскошных паланкинах, которые несли иногда до двух десятков лакеев. Остальной же люд, как уже было отмечено, ходил пешком или бегом, это кому как нравилось, что, в сущности учитывая ширину или, вернее будет сказать, узость улиц, было самым мудрым решением.

Если углубиться в историю города, то можно отметить, что еще сто-сто пятьдесят лет тому назад дома в городе были в основном деревянными, что неудивительно, учитывая обширные лесные угодья герцогства. Но после того как последний пожар уничтожил две третьих зданий, по указу герцога дома в городе стали возводить исключительно каменные, и лишь на самой окраине бедняки продолжали ставить себе деревянные строения.

За последние сто лет город значительно разросся, благо залежи на местных каменоломнях были значительны. В основном, конечно же, в ход шел светло-серый известняк, благодаря его идеальным строительным свойствам. Хотя вельможи предпочитали одевать его в мраморную облицовку.

Еще одной особенностью Талио было то, что первоначально все дома в городе были больше похожи на маленькие крепости с небольшими окнами, словно бойницы, настороженно смотрящие на расположенную перед ними улицу. Небольшие кованые двери со спрятанными внутри петлями и маленькими смотровыми окошками запирались надежными запорами, позволяющими обитателям выдержать осаду или вовремя сбежать через запасные двери, выходящие на другую сторону домов.

Многие дома соединялись между собой крышами с небольшими парапетами, позволяющими укрывать лучников и давать надежный отпор непрошеным гостям.

Всё это позволяло выдержать нештучные войны, бушевавшие еще пару десятков лет тому назад по всей Ловерии, когда несколько лет затишья был даром небес и большой редкостью.

Уже ближе к описываемым событиям город стал меняться, здания становились все приветливее, с большими окнами, маленькими балкончиками, легкомысленными флигелями. Вот только ширина улиц оставалась неизменной, поскольку расширить их без фундаментальных перестроек было практически невозможно. А посему на улицах было повседневное столпотворение и толчея, которая несколько растворялась на небольших площадях и перекрестках, которые, впрочем, охотно заполняли разнообразные торговцы и ремесленники.

Вечерами улицы быстро пустели, простой люд предпочитал рано ложиться спать, а если и не спать, то собираться в многочисленных тавернах за кружкой пива, обсуждая новости дня.

Всё это, разумеется, не касалось центральной части, где студенчество и божественная часть города продолжала или начинала свою бурную ночную жизнь.

По такой узкой и тихой улице, держась ближе к стенам домов, быстрой тихой походкой пробиралась еле заметная тень. По-видимому, маршрут движения был этой тени знаком, поскольку она ловко обходила все едва заметные в темноте препятствия.

Вот она замерла под небольшим балконом, изящно нависавшим над широкой обитой железом дверью, снабженной молоточком с головой дракона на прикрепленной к створке цепочкой ручке. Еще мгновение, и она практически вжалась в стенку, настороженно прислушиваясь к окружающей ее тишине. Несколько секунд неподвижности, затем, по-видимому, удостоверившись, что кругом нет никаких нескромных глаз, эта тень шевельнулась, мягко подпрыгнула, и вот она уже на балконе. Снова замерла, прислушалась и едва слышно поскреблась в окно, выходящее на балкон.

По-видимому, эту тень там ждали с нетерпением, поскольку дверь немедленно открылась и так же поспешно закрылась, как только тень проскользнула внутрь.

Комната, куда таким образом проник Мил, а это, без сомнения, был он, оказалась спальней молодой миловидной девушки, свидетельством чего, собственно, являлась сама девушка, радостно обнявшая вновь прибывшего и любезно предложившая единственный стул, стоявший в комнате, под его шляпу, плащ и лютню.

Три тоненьких свечи хоть и не позволяли по достоинству оценить убранство комнаты, но в то же время придавали ей некий таинственный оттенок, а стоявшие на столике фрукты и кувшин позволяли надеяться на романтический ужин, который, по замыслу молодого человека, мог перерасти в нечто большее. По крайней мере его взгляд на кровать, которая занимала чуть ли не половину комнаты, был довольно многозначителен.

Заметив этот взгляд, девушка стала чуть холодна и капризным тоном произнесла:

– Ты опоздал.

Её зеленые глаза при этом радостно заблестели, выдавая ее истинные чувства, а ее руки непроизвольно дотронулись до юноши.

– Прости, милая, но мадам задержала меня до невозможности. Я уж думал не смогу от нее вырваться. – Мил притянул к себе девушку и нежно поцеловал ее в лоб.

– Какая мадам? – растерялась девушка.

– Ах да, ты ведь ничего не знаешь. – Мил высвободился из ее объятий и, подойдя к столику, налил в бокалы вина из кувшина. – Представляешь моё изумление, когда я увидел входящую ко мне в комнату графиню Шуаси? Изумление? Да, я был в шоке от того, что её вижу.

Он отпробовал вина, удовлетворенно кивнул и протянул второй бокал девушке. Та отрицательно покачала головой и жалобно спросила:

– А зачем она приехала?

– Хотел бы я это знать сам.

– А она не сказала, – взгляд девушки стал настороженным, а голос более колючим.

– Ты никак ревнуешь меня, моя радость? – мгновенно отреагировал Мил.

– А ты как думаешь?

– Думаю, что да. И совершенно напрасно. Нас связывают только дела моего друга, барона Гарди, которого я, собственно, и представляю в доме Шуаси. Кроме того, она замужем, гораздо старше меня да к тому же еще и графиня.

– Ты уверен, что полностью успокоил меня этими словами?

– Нет, но я хочу открыть тебе одну тайну, после которой ты абсолютно перестанешь меня ревновать.

Сделав длинную паузу, Мил театрально пригладил на себе волосы и вычурно произнес:

– Знаешь, моя дорогая, мне ужасно нравится одна прелестная девушка, поэтому для меня просто не существует больше никого. В моем сердце только одна страсть, один идеал, одна героиня.

– Правда? Ты говоришь правду?

– Ну конечно, милая, ты думаешь, я просто так хожу к тебе? У меня самые серьезные намерения.

– Да-а-а? И какие же? – голос девушки наполнился кокетством и иронией.

– Ну, во-первых, я собираюсь тебя соблазнить.

– Ты гадкий, – обиделась девушка.

– Но, Мадлен, почему это я гадкий? Ты настолько прекрасна, что не хотеть тебя может только больной человек, а утверждать обратное только лицемер.

– Ты гадкий, потому что порядочным девушкам не говорят таких слов. Это неприлично.

– Странные у вас, девушек, понятия приличия. Можно подумать, что остальные молодые люди и не пытаются сделать это с молодыми девушками.

– Может, и пытаются, но не говорят об этом вслух, а ты так сразу, раз и предупредил. Я, между прочим, после таких слов должна тебя выставить за дверь и больше никогда с тобой не встречаться.

– Ну да, наверное, – согласился Мил, ставя недопитый бокал на стол и садясь на краешек кровати. – Что-то я не то сказал. Но понимаешь, я патологически правдив и ничего с этим не могу поделать.

– Ты патологически глуп, – улыбнулась Мадлен и, взяв со стола небольшое яблоко, села рядом.

– Да нет, просто я несколько неопытен в сердечных делах, в этом моя проблема. Знаешь, я ведь никогда еще не влюблялся по-настоящему.

– Правда? И у тебя никогда не было любимой девушки?

– Да.

– Что да?

– Ну, в смысле нет, не было.

– Это хорошо, – улыбнулась Мадлен. – Потому что у меня до тебя тоже не было никого.

– Это очень хорошо, – кивнул Мил и заключил ее в объятия. Его мягкие губы скользнули к ее белоснежной шее, пальцы пробежали по волосам.

Девушка задрожала мелкой дрожью, почти перестала дышать и вдруг резко отстранилась и вскочила с кровати.

– Что-то не так, милая? – недоуменно спросил Мил.

– Я хочу пить.

Мил приподнялся и, взяв со стола бокал, протянул его девушке.

– Но тут только вино, – проговорила она, чуть пригубляя из бокала.

– К сожалению, я не прихватил с собой воды, – пожал плечами Мил.

– Да, это печально, – кивнула Мадлен и спросила: – А она надолго приехала?

– Кто, графиня? – уточнил Мил и, получив в ответ кивок, продолжил: – По крайней мере, она хочет попасть на Большой бал.

– Долго.

– Не так уж это долго на самом деле, подумаешь, пару недель.

– Это долго, целых «пару недель». Это очень долго.

– Но ведь ничего не изменилось, я все так же у твоих ног, а ты все так же отвергаешь мои ухаживания.

– Поиграй мне немного, только тихонько.

– Хорошо, милая, я как раз сочинил для тебя колыбельную...

Музыка уже давно закончилась, два влюбленных человека сидели, обнявшись на широкой кровати, не говоря друг другу ни слова, словно боясь спугнуть чарующую тишину.

– Я устала, Мил, тебе уже давно пора идти домой, – поцеловала в щеку юношу Мадлен.

– Да, пора, – согласился Мил, – любила б ты меня чуть побольше, то сказала бы: «Милый, на улице темно и страшно, а у меня уютно и спокойно, оставайся».

– Надевай свой плащ, – улыбнулась Мадлен, – после твоих слов, что ты хочешь соблазнить меня, я не рискну оставаться с тобой на ночь. И вообще, я девушка порядочная, уже то, что ты сейчас находишься со мной наедине, для меня почти героический поступок, а ты требуешь от меня невозможного.

– На свете нет ничего невозможного, – невозмутимо пожал плечами Мил, забрасывая за спину лютню и надевая плащ. – Ого, похоже, отступление невозможно, – произнес он, выглядывая в окно.

И действительно, в свете выглянувшей луны можно было заметить, что напротив дверей стояли несколько телег, нагруженных какими-то выюками.

– Это братья привезли товар, – закусила губу Мадлен, – как же я забыла. Теперь на несколько часов тут не пройти, пока они все пересчитают и рассчитаются с перевозчиком, а там уже утро. Что же делать?

– Ложиться спать, а утром тихонько меня вывести.

– Ишь ты какой быстрый, – неуверенно проговорила Мадлен.

– А у тебя есть другой способ?

– Может, ты уйдешь по крыше? Хотя все, кажется, кто-то из братьев уже в кухне, и он может заметить тебя. Что же делать?

Она жалобно посмотрела на Мила испуганными глазами, сжимая от отчаянья кулачки.

– Есть такая пословица – «утро вечера мудренее».

– И что ты этим хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что тоже очень устал и смертельно хочу спать. А посему я остаюсь.

– Мил, я боюсь, – жалобно протянула Мадлен.

– Чего ты боишься, глупышка, я ведь с тобой.

– Именно тебя я и боюсь, – вздохнула Мадлен, гася свечи. Только предупреждаю – ты спишь на стуле, и при первом приближении к кровати я буду что есть силы кричать.

– На стуле? Имей совесть, ты постели хотя бы одеяло на пол.

– Одеяло? Хорошо, договорились, но только имей в виду...

Что надо было иметь в виду, она не успела договорить, поскольку крепкие руки заключили ее в объятия, а жаркие губы обожгли поцелуем.

– Что ты делаешь? – прошептала она, даже не пытаясь вырваться.

– Говорю тебе спокойной ночи, – проговорил Мил, осыпая ее поцелуями.

– Ты очень красноречив, – выдохнула она, отдаваясь его ласкам.

– Ну да, я же бард, – прошептал он, опускаясь перед ней на колени.

Когда нескромные лучики солнца по привычке заглянули в знакомое окно, они с удивлением обнаружили на кровати не невинную девицу, которую они так любили будить по утрам своими нежными прикосновениями, а двух обнявшихся влюбленных, тихое и мирное посапывание которых наводило на мысль о бурно проведенной ночи. Утренние гости замерли, словно в смущении, а затем, приняв решение дать немного поспать этой красивой паре, безмолвно ушли, спрятавшись в набежавшей кстати темной тучке.

Прошло еще немного времени, и громкий голос из-за двери произнес:

– Мадлен, мы будем сегодня завтракать?

Девушка мгновенно проснулась и, сев на кровати, придерживая на груди одеяло, произнесла:

– Иду, отец.

Голос её был бодр и уверен, как будто это не она только что мирно спала, укутавшись объятиями любимого.

Мадлен растерянно оглянулась вокруг, остановив взгляд на небрежно брошенную одежду, и чуть слышно прошептала:

– Я сошла с ума.

– Что ты говоришь? – потянулся Мил

– Я говорю, что мы бессовестно проспали, и как ты будешь выходить, я даже не могу представить.

– Проспали? А который сейчас час? Ещё так темно.

– Одевайся быстрее, отец уже встал, и мне нужно его покормить.

Она быстро скользнула в платье, лежащее рядом с одеждой любимого, прибрала волосы и, укоризненно посмотрев на Мила, который нехотя возился с одеждой, выскользнула из комнаты.

Спустившись по узкой деревянной лестнице на первый этаж, она оказалась в столовой, которая одновременно являлась и кухней. За широким деревянным столом сидел пожилой, уже седеющий полноватый мужчина и нервно выбивал дробь на столе своими пальцами.

– Мы будем завтракать? – чуть обиженным тоном произнес он, нахмутив брови, отчего его несколько одутловатое лицо приобрело комичные черты.

– Конечно, отец, – виновато кивнула Мадлен, накрывая стол некогда белоснежной скатертью.

В мгновение ока на столе появился сыр, хлеб, молоко, и мужчина стал неторопливо завтракать.

– Ой, я чепчик забыла, – всполошилась Мадлен и, прежде чем её отец успел что-то возразить, упорхнула к себе в комнату.

Там она увидела Мила в плаще и шляпе, внимательно рассматривающего улицу.

– Ну что там? – полюбопытствовала она.

– Тут мне не пройти, народу тьма. Надо было под утро попытаться.

– Надо было, – передразнила его Мадлен, но увидев, как Мил обиженно надул губы, готовясь что-то ответить, быстро произнесла: – Ладно, пойдем, пока братья спят, я дверь на крышу отворила, хорошо, что давеча там петли смазали. Пока будешь идти, я постараюсь отца отвлечь. Погоди, только чепчик одену.

– Не волнуйся, – прошептал Мил, – я умею красться, как тень, ты мне только дверь покажи.

Они вышли из комнаты и прошли по коридору. Показав рукой на дверь, Мадлен медленно стала спускаться по лестнице. Услышав, как тихо щелкнул замок, она облегченно выдохнула и, быстро пройдя оставшееся расстояние, села за стол напротив отца, подперев кулачком свое очаровательное личико.

– Ты сегодня какая-то не такая, – поднял на неё глаза мужчина.

– Какая не такая? – удивилась Мадлен.

– У тебя глаза светятся счастьем. Приснилось что-то хорошее?

– Не знаю, – потянулась Мадлен, – наверное. Только не помню, что, но что-то замечательное снилось всю ночь. Так хорошо, просто петь хочется.

– Ну так пой, кто не дает, – кивнул отец, – может, этих бездельников пораньше разбудишь.

– Не, не разбужу. Храпят так, аж двери ходуном ходят.

– Ладно, пусть спят, вчера поработали славно. Но как встанут, пусть дуют в лавку, мне сегодня в ратушу, думаю, дочь, пора расширяться, но об этом после.

С этими словами мужчина встал, вытер губы о белоснежное полотенце и, отряхнув рубашку, произнес:

– Ты это, того, в моей комнате сегодня не прибирайся, а то не ровен час спутаешь мне все мои бумаги. Да скажи братьям, чтобы сразу в лавку. Ещё товар надо разобрать.

– Хорошо, отец, – чмокнула она его в щеку.

– Нет, ты взаправду какая-то сегодня чудная, того и гляди взлетишь от счастья, – покачал головой мужчина, – уж не влюбилась, чай? Ладно, не красней, эта чаша еще никого не миновала. Помнится, я как твою мать первый раз встретил, так целый день потом как пьяный ходил.

С этими словами мужчина подошел к двери, ведущей в самую лавку, которая, находилась в этом же доме, как и у большинства торговцев.

– Ты бы сама тоже в лавку бы зашла, – проговорил он, выходя из комнаты, – там Громила отрез ткани тебе передал, чудо как хороша, ткань-то.

– Хорошо, отец, – кивнула Мадлен, прибирая со стола.

– Вот и славно, – кивнул головой мужчина, затворяя за собой дверь.

А Мил тем временем, незамеченный никем, осторожно пробирался по крышам домов, скрываясь за высокими парапетами, которые в военные времена позволяли укрывать лучников, обстреливающих врагов сверху.

Доходя до конца здания, он ловко перепрыгивал на другое, затем на следующее, пока не решил, что место для спуска самое благоприятное. В этом месте дом делал поворот, выходя одной стороной на торговую площадь, другой – в запустевший, заросший сад.

Плотно закутавшись в плащ, Мил ловко спустился по водосточной трубе и прижался к ближайшему дереву, чтобы осмотреться. Не успел он перевести дух, как ближайšie к нему створки ставней второго этажа препротивно скрипнули, и в окно высунулась голова пожилого мужчины с хищным горбатым носом, который внимательно огляделся вокруг своим тяжелым хищным взглядом.

– Будьте спокойны, милорд, мои люди прочесали парк пять минут назад и перекрыли все выходы, так что ни одна мышь не проскочит.

– Я рад, что ты понимаешь правильно слово «конфиденциально».

– Я много лет прослужил Вашей семье, милорд, и понимаю многие слова с полуслова.

– Ты уверен, что он будет на балу? – пропустил мимо ушей слова невидимого для Мила собеседника мужчина с хищным носом.

– Однозначно, милорд, – ответил тот, – позвольте мне закрыть окно.

– Нет, в саду действительно нет никого, а в комнате настолько пахнет запустением и нищетой, что этот запах раздражает меня.

– Да, раньше это был доходный дом, где бедный люд мог снять посильную для его кошелька комнату, а потом тут случился пожар, хозяин разорился и...

– Меня абсолютно не интересует судьба этого дома и его жильцов.

– Простите, милорд.

– Значит, ты утверждаешь, что он там будет. Удивительно. Обычно он не посещает такие мероприятия. Как он сам выражается – «увеселительные игрища не для него», лицемер, – тон, каким были сказаны эти слова, выражал крайнее презрение, при этом губы говорившего скривились так, словно в его рот попало нечто крайне неприятное. Мужчина вновь выглянул в окно.

– Хочу Вам заметить, милорд, что он посещает такие мероприятия систематически. К примеру, прошлогодний бал он провел в маске мудреца, в которой должен был прийти граф Розия. Граф в то же время был в костюме домино и во всю «резвился» с фрейлинами ее светлости.

– Шут... – произнес мужчина и скрылся в глубине комнаты.

Голоса зазвучали глуше, и Милу пришлось напрячь все свои усилия, чтобы не потерять нить разговора.

– Несомненно, милорд, – согласился с мужчиной невидимый собеседник, – позволю себе напомнить, прадед графа на самом деле был шутком у его светлости и именно на этом поприще заработал себе графское достоинство.

– Шут и шпион, – согласился мужчина, – и еще убийца. Это был страшный соперник, если верить семейным архивам. А этот так, сопляк.

– Очень преданный сопляк, надо отметить, – рискнул возразить ему собеседник. – И ещё позволю себе заметить, по слухам, он очень даже неплохо владеет мечом, а еще лучше кинжалом, и весьма умело это скрывает.

– Тайный убийца? Это вряд ли. Не того масштаба личность. Да и такой талант не скроешь.

– Я и не утверждал, что убийца, но вот мастер тайных поручений и, может быть, временами личный телохранитель Его Высочества...

– Ну это легко проверить, прикажи Кабану затеять с ним пьяную разборку.

– Кабан не совсем в хорошей форме после последней поездки, – возразил невидимый собеседник.

– Да наплевать, в конце концов, в наши планы не входит убийство этого малого, по крайней мере не в этот раз. Все-таки какой тут неприятный воздух.

Мужчина вновь появился в окне, прижимая к носу надушенный платок.

– Тем более что его смерть навлечет на нас большое неудовольствие герцога, в конце концов, что бы мы сейчас ни говорили, а он его любимец.

– Чушь, – поморщился мужчина. – Но мы отвлеклись. Так ты считаешь, что и в этот раз он уступит свой костюм?

– Скажем так, очень маловероятно, что это не случится. Костюм звездочета уже готов, и он на два размера больше обычной одежды графа.

– И что тут удивительного, очень многие поступают именно так, когда хотят надеть кольчугу под низ.

– Кольчугу? На бал? Милорд, над ним будет смеяться вся знать.

– Допустим, но два размера – это очень мало.

– Милорд, человек, о котором мы с Вами говорим, будет утянут корсетом.

– Все это несколько притянута за уши, – недовольно покачал головой мужчина, – мне нужно знать наверняка, я не могу рисковать.

– Милорд, у меня есть достаточно оснований сказать, что эта гипотеза близка к истине.

– Хорошо, допускаю это как рабочий вариант. Дальше все расписано?

– Да милорд. Наемный убийца в костюме шута поразит «графа Розия», одетого, как Вы понимаете, в костюм звездочета, кинжалом в сердце и тут же падет от рук стражи. При обыске на квартире убийцы найдут заказ на графа, написанный рукой барона Лира, у которого, как Вы, может быть, слышали, граф соблазнил супругу.

– Какое интересное совпадение, этот ваш заказ.

– Можете мне поверить, милорд, совпадением тут и не пахнет. Голый расчет и только.

– Это радует, – задумчиво произнес мужчина и, немного помолчав, произнес, – а у тебя есть запасной вариант?

– Он пока в проработке, милорд. Через несколько дней я Вам его озвучу.

– Хорошо, как будешь готов, дай мне знать, я назначу время встречи. И прибереги здесь, тут невозможно дышать, одна пыль и вонь.

– Слушаюсь, милорд.

С этими словами мужчина еще раз обвел тяжелым цепким взглядом окрестности и скрылся в глубине дома, оставив открытым окно.

Несколько минут было тихо, и Мил хотел было осторожно уйти, подумав, что второй собеседник тоже покинул комнату, как вдруг до него донесся скрип открываемой двери, затем характерные хлопки, как будто кто-то отряхивал свою одежду.

– Дядюшка абсолютно прав, тут невыносимо грязно и еще пыльно, я устал тереть переносицу, чтобы ненароком не чихнуть, – произнесший эту фразу человек говорил странным горланым голосом, чуть проглатывая окончания слов.

– Прошу прощение, милорд, но Вы сами захотели поучаствовать в этой встрече, а учитывая, что Ваш дядюшка назначил встречу буквально час тому назад, у меня не было никакой возможности как-то обустроить этот злосчастный шкаф.

– Да это и не нужно было делать, – весело произнес молодой человек, чьё лицо буквально на секунду мелькнуло в проеме окна. – Приберись вы здесь, и дядюшка обязательно засунул бы свой нос в этот шкаф, а так его природная брезгливость не позволила ему даже прикоснуться к находящимся тут предметам.

– Думаю, даже в этом случае он не обнаружил бы Вас за фальшивой перегородкой.

– Да, наверное. Ты действительно мастер на все руки.

– Я рад, что Вы так думаете, милорд.

– Следующая встреча снова будет здесь?

– Надеюсь, милорд. На самом деле это очень удобное место. Этот дом по моему приказу купил один доверенный человек, и с тех пор он стоит пустой именно для таких целей.

– Ну не знаю, по мне так пустующие дома вызывают некоторое подозрение, а люди, их посещающие, тем более.

– Я обдумаю Ваше замечание, милорд.

– Обдумай, обдумай, а пока будь любезен, проводи меня до дверей.

Звуки голосов затихли, и Мил, подождав еще немного, поплотнее закутавшись в свой плащ, неслышно пробрался к арке со сломанными дверями, ведущими на торговую площадь. Дождавшись, когда мимо приоткрытых дверей не спеша прошла небольшая группа людей, о чем-то мирно беседующих, Мил скользнул за ними мимо ничего не подозревающего человека, который, прислонившись к стене, казалось, мирно дремал.

Человек что-то почувствовал, оглянулся вокруг, внимательно поозирался, но, не заметив ничего подозрительного, вновь прикрыл глаза.

А в это время Мил уже смешался с суетящимся народом, перетекавшим от одного торговца к другому. Делая вид, что его интересует товар, он затеял спор с продавцом, который оказался галантерейщиком и предлагал Милу «замечательные замшевые перчатки по совершенно смешной цене». Поторговавшись минут пять, Мил сбил цену почти вдвое и стал обладателем пары превосходных перчаток.

– Я вижу, ты прибахлился, – хлопнул его по плечу молодой человек, проходящий мимо него под руку с очаровательной девушкой.

– Сезар, рад тебя видеть, – обрадовался Мил, – и конечно же Вас, сударыня.

– Позволь представить тебе дочь моей квартирной хозяйки и мою спасительницу, фею и прелестницу, госпожу Эстефанию.

Девушка улыбнулась и протянула Милу руку, которую он немедленно галантно поцеловал.

– А это мой одноклассник, господин Милл И’Усс, которого друзья называют Мил и который является душой всех компаний. Если ты будешь так жестока и будешь продолжать смотреть на господина Милл И’Усса так пристально, мне придется вызвать его на поединок и пронзить его сердце кинжалом, что будет очень не к стати, поскольку народ не простит мне смерть лучшего барда современности. Имей в виду, это он сам себя так называет. Нескромно, правда?

Девушка засмеялась нехитрой шутке Сезара и, отняв свою руку, которую Мил продолжал держать в своей, и внимательно осмотрев покупку Мила, одобрила.

– Хорошие перчатки, только тут все несколько дороговато, лучше брать вещи на гостинной площади, а вот фрукты и овощи здесь самые дешёвые в городе, поэтому я всегда хожу за ними сюда.

– А я ее провожаю, – закончил за девушку монолог Сезар.

– Буду знать, – поклонился Мил.

В это время мимо них проскакали два всадника, один из которых был юноша, который еще недавно на мгновение выглянул из окна таинственного дома. Другой, по-видимому, слуга, который громким голосом заставлял расступиться плотную толпу.

– Кто это? – недоуменно спросил Мил, скользнув взглядом на дремлющую у арки фигуру.

– Разве Вы не знаете? – изумилась девушка. – Это племянник Его Высочества граф Фредерик Лозар.

– Я совсем еще недавно в Вашем городе и, к сожалению, не имею такого очаровательного гида, как Сезар, поэтому простите мое невежество.

– Нам пора, – улыбнулась девушка.

– Да, нам пора, – спохватился Сезар, прощаясь с Милом. – Не забудь, наши собираются сегодня вечером в «Рандеву».

– Обязательно буду, как всегда в семь?

– Да, опоздавший платит за всех.

Довольный Сезар предложил девушке руку и махнул на прощание Милу. Они не спеша проследовали до другой стороны площади, впрочем, Мил потерял их из виду еще раньше, заинтересовавшись широким поясом, который ему попробовал всучить все тот же галантерейщик.

Через десяток минут мимо арки, через которую недавно вышел Мил, четверо слуг понесли паланкин, и как только он проследовал дальше, дремавший человек открыл глаза, потянулся и скрылся противоположном от паланкина направлении.

– Ага, – пробормотал он под нос себе, – или я чего-то не понимаю, или это все-таки третья фигура из недавнего спектакля, который сегодня передо мной был разыгран. И если двух я знаю в лицо, то хотелось бы посмотреть и на третьего.

Он рассчитался с назойливым галантерейщиком и торопливым шагом стал догонять паланкин. К сожалению, его преследования ни к чему не привели, держась поодаль, он лишь проводил паланкин до дворца Его Высочества. Процессия остановилась у боковой двери, куда была впущена почти незамедлительно.

Пожав плечами, Мил отправился домой, спрашивая себя, во что ему довелось вляпаться в этот раз.

Не найдя для себя ответ на этот вопрос, он решил, что время покажет, он тем не менее отметил, что дошел уже до места, где снимал комнату, и увидел ожидающего его прихода мужчину.

– Добрый день, господин Милл И'Усс, я гонец от господина барона Гарди.

– Добрый день, – кивнул Мил, – думаю, Вам незачем было дожидаться меня на улице, в моем доме всегда найдется место для людей господина барона.

– Я совсем немного опоздал вчера, а потому решил остановиться в гостинице неподалеку. А сейчас, узнав у слуги, что Вас снова нет, решил немного прогуляться, а тут как раз и Вы. Вы ведь не помните меня?

– К сожалению, нет, сударь.

– А ведь мы не раз сталкивались с Вами в Лозии.

– Может быть, – задумчиво пробормотал Мил, – несмотря на мою память, я действительно не могу Вас вспомнить. Вы принесли мне известие от барона?

– Да, сударь, – кивнул мужчина.

– Тогда добро пожаловать, – пропустил его вперед Мил.

Мой милый Милл И'Усс, думаю, я вправе называть Вас так фамильярно, поскольку Вы для меня как сын, которого судьба дала мне взамен безвременно ушедшего. Я все еще скорблю о нем и буду скорбеть до конца своих дней, как скорбела бы любая другая мать на моем месте.

Мой милый, я неустанно благодарю судьбу за то, что она свела ваши дороги, я имею в виду Вашу и моего младшего сына. Милый Милл И'Усс, Вы опять спасли его, который раз подряд Вы оказали неоценимую услугу не только мне как матери, а и всей Лозии. Поверьте, такое забыть совершенно невозможно, и я прошу Вас еще только о двух вещах: будьте и дальше добрым гением для моего сына и разрешите мне Вас самого называть своим сыном. Любящая Вас графиня Лозия.

Мил задумчиво свернул маленький листочек бумаги, чуть заметно попахивавший лавандой, любимым запахом графини Лозии.

– Графиня, как всегда, преувеличивает мои заслуги, – пробормотал он, пряча письмо в маленькую резную шкатулку, которую достал из секретера. – Ладно, посмотрим, что там пишет барон.

Мой добрый друг, думаю, как истинный мужчина, ты уже прочитал письмо моей матери, и бьюсь об заклад, она благодарила тебя за очередное спасение своего непутевого сына.

Ну что ж, я в свою очередь хочу напомнить, что моя рука всегда готова прийти к тебе на выручку, и я всегда готов рискнуть своей жизнью и, если понадобится, спасти твою.

Но, по-моему, я не совсем правильно начал. Поэтому позволь начать заново:

Мой добрый друг, я спешу принести свои извинения за столь долгое молчание, в оправдание я могу предположить, что твой гонец уже сообщил тебе, что я нахожусь в полном здравии.

Моя мать, как ты уже заметил, льет слезы радости по этому поводу и неустанно благодарит небеса за твое яркое появление в моей жизни. Я и сам иногда задумываюсь об удивительных поворотах моей судьбы и периодически восхищаюсь своей удачливости, нисколько не умаляя твоих заслуг в очередном спасении моего немного пошатнувшегося здоровья.

Забегая вперед, скажу, что появление твоего слуги, да еще в сопровождении рыцарей, повергло меня в изумление, у меня даже мелькнула мысль – а не женился ли ты этим временем на графине. Знаешь, я бы не удивился, если бы тебе это удалось.

Ну а когда твой слуга в приватной беседе передал от тебя амулет, а от твоей знакомой атаманиши загадочный эликсир, сказав при этом слова, услышать которые я не ожидал, я понял, мир полон чудес и неожиданностей.

Но давай мы вернемся к началу.

Жизнь была бы однообразна и скучна, если бы рядом с нами не было прекрасных женщин и неожиданных, пусть и временами малоприятных, ситуаций, выходить с честью из которых одно из предназначений настоящих мужчин.

После твоего отъезда ничего в моей жизни не изменилось, кроме очередной проблемы – внимательно следить по сторонам, не бежит ли в мою сторону какое-нибудь четырехное лохматое создание с желанием вцепиться в глотку.

Надо признаться, это недолго будоражило кровь, да к тому же мои телохранители, с которыми мне отныне по настоянию графини пришлось передвигаться, несли службу так бдительно, что не давали ни одного шанса подойти ко мне какому-либо существу на расстоянии выстрела. Скукота.

Хочу предвосхитить твой вопрос и сразу сказать, что от идеи приказать уничтожить всех собак в округе я сразу отказался. В первую очередь, памятуя твое отвращение к такому «варварству», помнится, что ты как-то назвал это по-особенному, по-моему это слово звучало «геноцид». Ну, а во-вторых, я даже и подумать не мог, какое количество этих зверей окружает нас и верой и правдой исполняет свой долг перед своим хозяином. Короче говоря, я был поражен, когда мне назвали примерное их количество в графстве.

Пришлось ограничиться указом, предписывающим моим вассалам не допускать появления своих собак на моем пути, «поскольку это оскорбляет моё достоинство».

Представляю, какое мнение обо мне сложилось у моих вассалов, а поскольку я сейчас представляю его сиятельство графа Лозиш, то указ распространяется на всех жителей графства и наверняка вовсю обсуждается и за его пределами. Думаю, что самое малое – все считают, что у меня голову снесло от высокомерия и снобизма.

Как бы то ни было, но собак на своем пути я перестал встречать совсем, даже бездомных. Такое впечатление, что моя стража зачитала указ и им, и они, как верные подданные, прониклись уважением к моему законотворчеству.

На самом деле всё это сыграло со мной злую шутку. Я просто потерял бдительность. Ну и моя самоуверенность тоже сыграла свою роль. Ты же помнишь, я всегда был уверен, что смогу постоять за себя, и случившееся со мной я воспринимал как досадные неприятности.

К тому же, мой милый друг, если честно, меня достало всюду появляться в окружении телохранителей, в конце концов, я ведь не малое дитя. Тем более есть некоторые сферы, где лишняя пара глаз очень даже и лишняя.

Мил, я встретил очаровательную женщину. Она сводила меня с ума своими глазами. Знал бы ты, на какие ухищрения мне приходилось идти, чтобы оставаться с ней наедине. Ещё никогда я не был так красноречив и ловок.

Ты помнишь мой маленький охотничий домик в лесу, где мы так весело проводили время в нашей маленькой, но шумной компании? Думаю, помнишь. Так вот, по настоянию графини мне пришлось свернуть все наши походы туда как по «соображению безопасности, так и в связи с продолжающимся трауром».

Так вот, в этом домике я и сорвал восхитительный плод в полнейшей от всех тайны. Не качай укоризненно головой, если бы ты ее видел... Думаю, мой брат не в обиде на меня.

Можешь мне поверить, все держалось в полнейшей тайне, поскольку дама моего сердца женщина замужняя. Про мои наведывания в эти места вообще знали только самые проверенные люди, которым я доверял как себе. Мало того, даже они никогда не знали, когда я в следующий раз буду там.

Признаюсь, тебе, дело даже в не доверии, я уже сказал, это были проверенные люди, просто я сам иногда не знал, что через несколько часов мне посчастливится уединиться в этом «храме наслаждений».

Но как ты иногда говорил, «ближе к телу», в смысле к делу.

На меня напали, когда я уже подъезжал к нашему домику. Нас было двое, оба проверенные воины, способные при благоприятных условиях уложить десяток нападающих и выбраться из любой западни, тем не менее нас застали врасплох.

Каюсь, я немного замечтался в предвкушении встречи, но тем не менее смог мгновенно оценить ситуацию и среагировать, когда на меня из-за кустов прыгнула огромная собака. Знаешь, я бы никогда не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал, что бывают такие собаки. Честное слово, она была размером с настоящего телёнка, огромная, черная, с густой шерстью и такой мощной челюстью, что могла перекусить палку размером с руку.

Я вылетел из седла, словно тряпичная кукла, но смог налету выхватить кинжал и всадить в горло этой бестии. Это меня, похоже, и спасло, поскольку затем на меня налетела целая свора собак поменьше, и этот ужасный пес, почти полностью меня накрывший, стал служить для меня своеобразным щитом.

Я мог только прикрывать руками лицо и горло, слабо надеясь на крепость моей кольчуги, которую с некоторых пор стал носить под одеждой.

Это было безумие, собаки ломали зубы о стальные кольца, но не унимались, думаю, они, в конце концов, смогли бы загрызть меня, если бы не подоспевшая помощь. Обезумевшая от ужаса лошадь моего спутника прискакала к охотничьему домику и подняла тревогу. Через

несколько минут все было кончено. Мои лучники резко проредили эту свору, а мечники доделали все остальное.

Мой спутник был убит, ему просто отъели голову, мне повезло больше. Они растерзали мои ноги, изуродовали кисти рук, но не добрались до моей головы. Хотя надо отдать должное, они были близки к этому.

Что было дальше, я почти не помню, поскольку отправился по темным дорогам своего сознания, где и пребывал почти трое суток.

Это страшно, мой друг, нет, не то, что они со мною сделали. Страшно то состояние, в котором я находился. Та беспомощность, которая мной овладела. Я не мог встать без посторонней помощи, одеться... Да что там одеться, первое время я вообще ничего не мог самостоятельно.

Ты поехал в Талию, пообещав достать там какие-то чудо лекарства, но, честно говоря, не думаю, что ты мог предположить серьезность моего положения. Я тогда тоже не мог его правильно оценить. Наш старый эскулап заштопал меня как мог, но раны совсем не хотели заживать...

Не хочу об этом снова вспоминать, короче, действительность была гораздо хуже официальной версии, которая, надо отметить, была не очень-то и оптимистична. Короче, мне было ненамного лучше, когда от тебя прибыл гонец, да еще с таким подарком.

Когда сей мальчишка протянул мне бурюю жидкость и рассказал, кто ее мне передал, я выпил ее, почти не раздумывая, как только остался один. Знаешь, я особо никогда не верил в чудеса, но то, как я себя чувствовал на следующий день... Это сказка, так на самом деле не бывает. За неделю раны затянулись совсем, оставив на теле только замечательной красоты шрамы.

Наш эскулап стал ходить с заносчивым видом, приписывая мое чудесное выздоровление своим заслугам, чего, конечно, я стерпеть не смог и открыл тайну графине, единственно сказав, что сей эликсир я получил от тебя. Впрочем, я несильно и покривил против истины. Это привело ее в восторг, и теперь она носится с идеей сделать нас побратимами и официально ввести тебя в состав нашей семьи.

Я сообщаю тебе это пока неофициально, поскольку на самом деле это все держится в тайне, к тому же надо получить одобрение моего отца, который пока находится, как ты помнишь, с войсками. Графиня уже написала письмо отцу с просьбой разрешить провести инициацию в нашем святилище, и я нисколько не сомневаюсь в его согласии. Знаешь, на самом деле, я считаю она права, а отец редко отказывает ей в просьбах, на моем веку это было только один раз, когда она попросила его не уезжать на войну.

Со своей стороны, я прошу тебя дать свое согласие на это предложение, когда оно официально дойдет до тебя, если, конечно, по каким-то причинам это не идет в разрез твоим принципам.

Вот, собственно, и все мои дела. Сейчас я чувствую себя настолько же хорошо, как чувствовал себя до этого неприятного инцидента. Все-таки эта удивительная жидкость, — это что-то. Кстати об этом удивительном обстоятельстве.

Я, как ты уже заметил, терпеливо описал все мои злоключения, вместо того, чтобы нетерпеливо, как мне того хотелось, спросить, милый друг, каким образом ваши пути с этой замечательной женщиной пересеклись? Только не говори, что это дело случая, этого просто не может быть.

Я, как ты помнишь, уже давно ищущу этот случай, чтобы преклонить перед ней колени и попросить прощение за недостойное поведение. И в этот раз я как можно подробнее расспросил о месте, где находится моя спасительница у твоего слуги, но, к сожалению, он ничего толком объяснить не смог. Впрочем, с него и спрос не особо велик, поскольку туда его везли

в полусознательном состоянии, а обратно они пробирались с каким-то мальчишкой лесными тропами.

Но ты – дело другое, как я понимаю, тебя принимали если не как хорошего знакомого, то, по крайней мере, как человека, с которым ведут какие-то дела. Я был бы рад, если бы ты передал всю информацию подателю сего письма, который примет все остальные розыскные мероприятия.

Кстати говоря, этот же человек, которого зовут Эледиор, с этого дня будет ответственным за твою безопасность и нашу переписку, и прошу тебя, не спорь, это самое малое, что я мог для тебя сделать. Графиня вообще хотела прикомандировать к тебе целый штат, и только мои горячие возражения спасли тебя от воплощения этой идеи.

Будь спокоен, он не станет ходить за тобой по пятам, совать свой нос в твои дела и докучать своими советами. Просто в нужную минуту у тебя будет надежный союзник, готовый прикрыть тебя своим телом.

Крепись, когда я учился, со мною было четверо, и, в отличие от тебя, они четко выполняли инструкции моего отца, а тот не приветствовал мою привольную жизнь. Так что твои условия будут довольно приятны и легки.

Уж поверь мне, ты даже не понимаешь, что такое настоящая опека. Могу приоткрыть завесу, моя мать, на правах моего сюзерена, в отсутствие отца требует от меня ежедневного отчета о местах, которые я собираюсь посетить, и делах, которые я собираюсь совершить. Вот так вот.

Просмотрел, сколько я тут всего наваял, знаешь, я столько не писал со времен своего студенчества, а посему я, наверное, буду заканчивать, вот только еще пару слов:

Во-первых, тебе привет от близнецов, они растут на изумление всем повитухам, которые, как мне докладывают, не верили в возможность их спасения после столь ранних родов. Кстати, графиня ежедневно контролирует каждое кормление и самолично вытаскивает капельку эликсира с водой каждому из близнецов.

Говорят, они уже сейчас ничем не отличаются от детей, рожденных в положенный срок. Впрочем, это я повторяю с её слов, поскольку меня самого так и ни разу не пустили посмотреть на них, как, впрочем, и остальных жителей замка, включая их собственную мамашу.

Тут, знаешь ли, особый разговор. Прознав, что графиня чем-то поит малышкой, та подняла дикий скандал, обвинив нас, что мы пытаемся отравить близнецов, за что получила пощечину от графини. Теперь она кроткая и смиренная, но графиня так ее и не простила. Мне кажется, Элеонора несколько не в себе, но, может, это последствие родов.

Во-вторых, насчет моей женитьбы. Тут, к моему удовольствию, все разыгрывается по моему сценарию. Свадьбы не будет, это графиня пообещала мне твердо после того, как я посвятил ее в свои дальнейшие матримониальные планы.

Планы это такие, что я не решаюсь их доверить бумаге, несмотря на то, что их привезет тебе самый надежный гонец. Думаю, это мы обсудим с тобой при личной встрече, на близость которой я очень рассчитываю.

Ну и в-третьих, тебе отдельный привет от Тироля. Этот грубиян, прознав про мои несчастья, самолично удостоил меня своим посещением, чего, как говорят, не делал ни для кого раньше. По крайней мере, моя мать, которая, оказывается, очень много о нем слышана, утверждает именно так.

Кстати, он привез какие-то мази, «которые в принципе должны бы помочь, но гарантию на которые дать не представляется возможным по особым физиологическим причинам моего организма». После таких слов, которые я повторил тебе почти дословно, я его горячо поблагодарил, но использовать не решился, хотя, думаю, если бы не твоя посылка, наверное,

рискнул, поскольку в критических ситуациях люди обычно хватаются за любую «соломинку». Кажется, на этот счет есть соответствующая случаю поговорка.

Сам он полон энергии и здоровья и на полном серьезе продолжает мечтать о некоем звании. Знаешь, я от скуки как-то представил, как это будет, с его-то заносчивостью и невыносимым характером, и решил, наверное, это было бы забавно.

Кстати, ему похоже у меня не понравилось, он умудрился переругаться со всеми, с кем мог, упоминать вусмерть всю мою прислугу и, не попросившись, отбыть к себе.

Похоже, мое письмо грозит перерасти в обширный трактат о моей жизни, читать который будет так же скучно, как все те, которые мне пришлось написать в свое время, будучи таким же студентом, посему я заканчиваю свое повествование и в заключении напоминаю еще раз, чтобы ты дал подробную информацию об интересующей меня даме подателю сего письма.

*С уважением, барон Гарди
и твой друг Ромер.*

Мил сложил прочитанное письмо в четверть и поднял глаза на неподвижную фигуру.

– Вы зря отказываетесь садиться, сударь, – произнес он, пристально вглядываясь в невозмутимое лицо гонца. – Не такой уж я вельможа, можете мне поверить, чтобы стоять передо мной.

– Благодарю Вас, милорд, я привык быть на ногах, – холодно ответил гонец.

– Я напишу ответ позже, хочу еще раз его перечитать.

– Как скажете, милорд, мне зайти к Вам, или Вы передадите ответ через своего слугу?

– Я зайду к Вам сам, сообщите мне свой адрес, когда обживетесь, я так понимаю, Вы тут надолго?

– Это зависит только от Вас, милорд.

– А, ну да, – кивнул Мил. – Кстати, не стоит называть меня милордом, во-первых, это не соответствует действительности, а во-вторых, я к этому не привык.

– Хорошо, сударь, – поклонился гонец.

– Эледиор, хорошее имя, – продолжил Мил, задумчиво пробуя это слово, – по-моему, так звали великого воина древности.

– Совершенно верно, сударь, – слегка поклонился гонец.

– Знаете, господин Эледиор, я не совсем понял из письма барона, что там произошло с Элеонорой и графиней?

– Я не хотел бы вытаскивать сор из избы, как говорят наши крестьяне, но учитывая то доверие, которое к Вам питает госпожа графиня, думаю, было бы правильно поставить Вас в известность о той непростой ситуации, которая сложилась в Доме Лозия.

– Мне бы очень хотелось об этом поподробнее.

– Да, конечно, сударь. Дело в том, что госпожа Элеонора стала считать, что господин барон воспользуется ситуацией с неразберихой, которая в настоящее время существует с рождением близнецов, и добьется титула барона Лозии и наследника графа Лозии.

– Насколько я понял одного очень пронырливого адвоката, он имеет полное право на это, и было бы скорее удивительным, если бы он отказался от этого права.

– Несомненно, сударь.

– Но, по-любому, он никогда не оставит своими заботами этих детей.

– По-видимому, леди Элеонора имеет несколько другое мнение на этот счет, вследствие этого делает несколько резковатые замечания в сторону барона, отсюда и некоторая напряженность в их взаимоотношениях. Госпожа графиня очень сожалеет, что в такое сложное время Вас нет рядом.

– Она преувеличивает мою значимость, господин Эледиор. К слову говоря, мне хотелось бы уточнить, какие инструкции Вы получили на мой счет, и какую информацию Вы собираетесь передавать в Лозию о моей персоне.

– Я ни в коем случае не собираюсь каким-то образом давать оценки Вашим поступкам или своими непрошеными советами влиять на Ваши решения, это самое главное, на чем настаивал господин барон. Я ни в коем случае не посягаю на Ваши тайны и, уж поверьте, не собираюсь следить за Вами или сопровождать Вас, по крайней мере, пока Вы не уведомите меня о такой необходимости.

Моя основная задача заключается в улаживании разнообразных неприятных ситуаций, которые время от времени возникают у любого человека, и которые, в чем я нисколько не сомневаюсь, Вы в состоянии в принципе решить сами, но на это у Вас уйдет гораздо больше сил и времени. Кроме того, я очень долго жил в этом городе и имею кое-какие связи, которые, надеюсь, будут Вам полезны.

Так же я неплохо владею оружием и, несомненно, буду Вам полезен и как телохранитель, и как товарищ по оружию.

– Это на самом деле неплохо, поскольку я не могу похвастаться особым воинским умением, хотя не представляю себе ситуацию, в которой мне понадобился бы телохранитель, все-таки я обыкновенный студент. Но, сударь, я буду иметь в виду.

– Что же касается информации, которую я буду передавать в Лозию, то она будет состоять из месячных отчетов о состоянии Вашего здоровья ну и некоторой специфической информации.

– Что Вы имеете в виду, говоря о специфической информации? – удивленно поднял брови Мил.

– К примеру, некоторое пристальное внимание к Вам властей, организацию в Ваш адрес каких-либо провокаций.

– Сударь, о чем Вы говорите, я обыкновенный студент, какие там провокации, какое там внимание?

– Госпожа графиня считает Вас незаурядным человеком, а такие всегда становятся центром внимания независимо от положения. Ну а после того как Вы станете членом Дома Лозии, и как только об этом станет известно, Вашей персоной заинтересуются более пристально.

– Хм, – фыркнул Мил, – а я думал, это тайна.

– Пока да, но не думаю, что надолго.

– Хорошо, с этим мне все ясно, я только хотел бы Вас попросить, сударь, об этой специфической информации. Мне бы очень хотелось бы ей тоже владеть, ну по крайней мере в части, касающейся меня.

– Разумеется, сударь.

– Вот и отлично. А теперь я должен передать Вам информацию о некой даме.

– Слушаю Вас, сударь.

– Дело в том, что Вы опоздали. Через несколько часов после того как отбыл мой гонец к барону, на лагерь, где стояла госпожа Кирия со своими людьми, произошло нападение. Практически всех ее людей перебили, оставшихся в живых пленили и позднее повешали в назидание другим.

Мил помолчал, немного и внимательно посмотрев на гонца, с усилием продолжил:

– Она была разбойницей, господин Эледиор, не просто разбойницей, а атаманшей. Подробности этой, можно сказать, эпической битвы Вы без труда узнаете у местных стражников, принимавших в ней участие. Сложность в том, что ни среди живых, ни среди мертвых ее отыскать не удалось. Версий ее исчезновения не так уж много, и ни в одну из них я не верю. Вот, собственно, и все, что я могу об этой даме сообщить. Если Вы сможете добыть какую-либо другую информацию, прошу Вас мне об этом сообщить.

– Хорошо, сударь. Я действительно пораспрашиваю кой-кого и думаю что-нибудь накопать. Если дело в том, что ее держат взаперти, а солдатам была дана команда молчать, у меня в арсенале много трюков, как заставить людей заговорить. В конце концов, любую информацию можно просто купить.

– Отлично, мне очень импонирует Ваша уверенность. Кстати, сударь, Вы мне, по-видимому, тоже можете дать кой-какую информацию.

– Я Вас слушаю, – Эледиор слегка наклонил голову.

– Вам знакомо имя Фредерик Лозар?

– Вы, наверное, имеете в виду графа Фредерика Лозара? – переспросил гонец и на кивок Мила продолжил. – Ну, конечно, я его знаю. Это сын младшего брата герцога, который трагично погиб лет десять тому назад на охоте. С тех пор племянник герцога воспитывался во дворце с остальными детьми Его Высочества.

– У Его Высочества, говорят, две девочки? – улыбнулся Мил.

– Вернее будет сказать, две девушки, поскольку обе девицы на выданье, – уточнил Эледиор.

– А сыновей у герцога нет?

– К сожалению, нет, сударь.

– Ага, и, конечно же, этот племянник, я имею в виду графа Лозара, является наследником.

– Не совсем так, сударь. Наследником престола на данный момент является граф Герийский, средний из трех братьев. Он в настоящее время является вторым лицом в герцогстве и имеет большое влияние на своего венценосного брата.

– А сей достойный господин имеет детей?

– Нет, господин граф не женат и не имеет детей.

– Очень интересно, – постучал пальцами по столу Мил. – А скажите, господин Эледиор, какую бы Вы дали оценку графу Лозару?

– Скользкая личность. Ходят слухи, что половина грязных интриг в герцогстве это его рук дело. Хотя напрямую обвинить в этом его сиятельство еще никто не решился.

– Интриги вообще штука грязная, – пожал плечами Мил, – и тем не менее почти вся придворная свита каким-либо образом в них завязана.

– Да, тут я вынужден с Вами согласиться. Двор Его Высочества всегда отличался множеством запутанных интриг. Каждый хочет в нем блеснуть и выдвинуться. Как ни крути, но тут вращается самое яркое общество во всей Ловерии, ничуть не уступающее дворянам Царьграда.

– Дворяне – это от слова двор, как я понимаю? – уточнил Мил.

– Да, так исстари называли себя владетельные вельможи в Визии, и это слово помаленьку перекочевало почти во все уголки Ловерии, и местная аристократия с удовольствием ввела его в свой обиход.

– Значит, Его Высочество очень любит своего племянника? – вернулся к первоначальной теме Мил.

– Любит? – Эледиор несколько помолчал. – Не думаю, что этим словом можно описать его отношение к графу Лозару. Знаете, он очень похож на своего отца, и, конечно же, герцог имеет к племяннику определенную слабость. Надо отметить, что герцог довольно строг к своим домочадцам, при этом его строгость не результат домашней тирании, он как бы показывает всем, что перед законом все равны, будь это его родные или другие вельможи.

– Спасибо, господин Эледиор, с Вами очень приятно было побеседовать, и я с удовольствием продолжу эту беседу, к сожалению, мне необходимо идти грызть свой «гранит науки».

– Не смею Вас больше задерживать, господин Милл И’Усс, единственное напоследки маленькое замечание.

– Да, сударь, – кивнул в ответ Мил.

– Если бы я получил письмо от господина барона, то непременно бы его сжег, после того как прочитал. Думаю, с Вами милорд еще более откровенен, поскольку Вы практически член семьи, а я просто доверенное лицо.

– Вы считаете, что кто-то проявит любопытство к бумагам простого студента?

– Местный прево очень любознательный, сударь.

– Хорошо, я непременно это сделаю, – кивнул Мил, – до свидания, господин Эледиор.

– До свидания, господин Милл И'Усс, – поклонился посланник и бесшумно вышел за дверь.

– Вот ведь незадача, ну вот скажите мне, пожалуйста, для чего мне нужны все эти заморочки? – Мил помолчал и, не дождавшись ответа от невидимого собеседника, продолжил: – Хотя, конечно, быть побратимом такого аристократа, как барон Гарди, гораздо круче, чем быть бастардом никому не известного барона. Но только находиться под незримым надзором, пусть это даже и для обеспечения моей безопасности, это очень неприятно. Хорошо, что для устранения таких вот случаев у меня существуют некоторые «чудесные вещи».

С этими словами он поправил свой плащ, который по приходу по привычке бросил на спинку стула.

В дверь постучались, и Мил впустил нагруженного свертками Рона.

– Добрый день, сударь, – кивнул тот, выгружая свертки на стол.

– Запасы, – кивнул Мил. – Ты накупил столько, что нам не грозит недельная осада.

– Ну, во-первых, чем больше берешь, тем большую скидку делают лавочники, – пожал плечами Рон, – а во-вторых, должны же Вы нормально питаться. Пока Вас не было, я проверил шкаф и буфет, так у Вас там ничего нет.

– В твоё отсутствие, Рон, я привык обедать и ужинать в трактирах, а завтракать перестал совсем. А это что такое?

Мил с недоумением взял в руки увесистый мешочек.

– Не знаю, – пожал плечами Рон, – похоже на кошелек с деньгами. Мне его передал высокий господин, который, похоже, только что вышел от Вас, он, кстати, приходил вчера. Сказал, что это посылка от госпожи графини, и он за разговорами совсем про нее забыл. Он хотел занести ее завтра, поскольку сегодня Вы уже с ним распрощались, но раз я попался ему навстречу, он попросил ее, в смысле его, передать Вам.

Мил высыпал содержимое на стол, это были серебрянные монеты, отчеканенные в Лозии.

– Это, я так понимаю, мое содержание, и бьюсь об заклад, оно не меньше того содержания, которое в свое время получал барон, когда, как и я, протирал штаны в университете.

– Госпожа графиня очень щедра, – серьезно кивнул Рон.

– Думаю, не стоит корчить из себя гордеца и возвращать этот кошель владельцу, – задумчиво произнес Мил, – подарки от чистого сердца надо принимать с благодарностью.

Он сложил с десятков монет себе в карман, остальные сыпал в кошель и спрятал в небольшой сундучок, в котором держал особо ценные вещи, задвинул его под кровать и задумчиво произнес:

– Пожалуй, правильно будет написать ответ прямо сейчас. Ну, по крайней мере, графине Лозия и поблагодарить ее за столь щедрый подарок. Барону придется немного подождать, поскольку я не успею написать два письма.

С этими словами он достал перо и бумагу и мелким красивым почерком стал быстро писать...

«Рандеву» – именно так называлось маленькое питейное заведение, находящееся в стороне от богатых кварталов. Когда-то, когда город находился в перманентной войне между существовавшими внутри него кланами, жила себе маленькая традиция собираться на переговоры между главами соперничающих кланов в каком-нибудь «спокойном месте».

Именно таким спокойным местом и являлся в те времена трактир, на вывеске которой были изображены три огромные кружки, доверху наполненные пенным напитком.

Какой уж остряк прозвал это заведение «Рандеву», не вспомнит даже самый старый посетитель этого заведения, но, на удивление, название прижилось, несмотря на то, что большинство заходящего сюда народа вряд ли могло объяснить значение этого слова. Но именно здесь цеховые предводители заключали свои союзы, делили территорию или сговаривались, сколько людей выставляет каждый цех для нехитрого выяснения отношения между собой

Иногда эти выяснения перерастали в фарс, когда на широкой площади возле упомянутого заведения сталкивались несколько десятков подмастерьев, лущущих друг друга дубинами, а их предводители мирно сидели в «Рандеву» в отдельном помещении на втором этаже под охраной своих телохранителей и обсуждали качество попиваемого ими пива.

Схватки, надо отметить, были недолгими, и если воинствующим группам не удавалось в короткое время выявить победителя, то победа доставалась подоспевшим патрульным, которые бесцеремонно разгоняли людей по темным переулкам, не разбирая особо, кто к какому клану принадлежит.

Года проходили, и на смену беспокойным мастеровым, отбивающим друг у друга заказы и «хлебные места», пришли совершенно другие люди.

Студенты – вот кто стал самой беспокойной частью процветающего общества.

Если с воинственными гильдиями люди прево научились бороться, накладывая на цеховых старшин, чьих людей удавалось поймать на месте драки, огромные штрафы, то студенчество отличалось тем, что не имело цеховых руководителей, и их стычки с мастеровыми, горожанами и временами друг с другом имели спонтанный и непредсказуемый характер.

И словно давая понять, что в городе появилась новая сила, с которой необходимо считаться, студенты все чаще стали устраивать свои пиры в упомянутом «Рандеву».

Невысокие цены и удачное расположение этого заведения, поскольку большинство студентов снимали комнаты в недорогих домах в ближайших к «Рандеву» районах, только способствовали этому.

Именно в этом заведении и была назначена встреча товарищей Мила, на которую он спешил, понимая, что опаздывает как минимум на пару часов. При всей своей непунктуальности Мил понимал, что он задержался до неприличия. Но в этот раз он ничего поделать не мог, поскольку заехавшая за ним графиня увезла смотреть его новое жилье, и отказаться от этого мероприятия не было никаких сил. Мил только-только успел отдать Рону письма, которые успел написать барону Гарди и графине Лозия, и которые тот должен был отнести Эледиору.

На удивление Мила, комнаты располагались в доме, где совсем недавно ему удалось подслушать некий разговор.

«Да, конечно, это не дворец, но за десять дней хозяин жилья обещал привести все в порядок, по крайней мере ту часть, где ты будешь жить, и мы наконец сможем встречаться более комфортно, чем в тех условиях, какие предложены сейчас. Ведь ты же понимаешь, милый, я не могу часто принимать тебя у себя. Приличия прежде всего».

Надо отметить, что комнаты сами по себе были изумительны, но, по мнению Мила, больше подходили бы отпрыску из какой-нибудь вельможной семьи, чем скромному студенту Талийского университета. Но убедить в этом графиню не удалось, мало того она еще и обиделась отсутствию «бури восторга» в ответ на решение квартирного вопроса

Кончилось, надо отметить, все довольно мирно, Мил пообещал до конца года проживать в этих хоромах, именно на такой срок и было снято это жилище для племянника госпожи графини. Что же до старой квартиры, то графиня милостиво разрешила принимать там друзей, обозвав ее в очередной раз лачугой из трущоб.

Урегулировав квартирный вопрос и отобедав с графиней, Мил поспешил улизнуть, сославшись на неотложные дела, твердо пообещав утром приехать на завтрак. Все эти обещания, клятвы и прощания затянулись так надолго, что Мил безнадежно опаздывал.

Само по себе такое опоздание не было трагичным, поскольку по подсчетам Мила веселье должно было быть в самом разгаре, а исправить положение должна была хорошая порция выпивки за счет провинившегося. Поэтому он с самым беспечным видом толкнул дверь и ввалился внутрь заведения.

Народу, надо отметить, было совсем не густо, что само по себе было удивительно, поскольку основная доля в оплате таких вечеринок ложилась на плечи именно Мила, который традиционно опаздывал, чтобы облегчить друзьям финансовые тяготы, поскольку по сложившейся традиции опоздавший оплачивал выпитое.

Финансовое положение Мила позволяло жить в таком режиме как минимум до конца года, а после получения от графини Лозия увесистого кошелька с серебряными монетами времена голода должны были отступить еще на более долгий срок.

– Ну и что у вас за уныние, – удивленно спросил Мил в ответ на небрежное приветствие своих друзей, – или нас сегодня потчуют кислым пивом?

– Сегодня проверяются на «вшивость» члены нашего маленького сообщества, – уныло произнес здоровенный детина, которого в компании все в шутку называли Малышом.

Он сердито стукнул своим огромным кулаком по столу, и, надо отметить, хоть этот удар был не столько сильным, сколько, скорее, печальным, но все же при этом вся стоящая на столе посуда жалобно звякнула.

– И каким образом они проверяются? – осведомился Мил, переворачивая чистую кружку, стоящую на подносе рядом с огромным кувшином, из которого он вылил себе остатки налитого в нем пива. – Хм, неплохое пиво, – кивнул он, с удовольствием отпивая его из кружки, – по-моему, именно такое я пил не так давно в Рижи, и трактирщик клялся, что поставляет его в Талио, только тогда оно мне не особо понравилось.

– Да, пиво сегодня хоть куда, – согласился Малыш, – а что на твой вопрос, объясняю: тех людей, которых ты видишь за этим столом, можно смело отнести к категории людей, не боящихся ничего. Тех людей кого за столом нет, можно звать трусами и негодями.

Мил внимательно обвел взглядом четверых человек, оказавшихся за одним с ним столом, и пожал плечами.

– На мой взгляд, отсутствие наших друзей за столом еще ни о чем не говорит, или я чего-то пропустил?

– Ты много чего пропустил, мой друг, – скривил губы Малыш. – Эй, Барон, хватит спать, расскажи лучше Милу нашу грустную историю.

Бароном в компании, к которой, принадлежал и Мил, звали худощавого, с бледным, болезненным лицом юношу лет этак двадцати пяти, родом из знатной, но разорившейся семьи, который учился на третьем курсе и слыл в университете одним из первых забияк.

За его болезненным лицом и нескладной худой фигурой скрывался жестокий и самолюбленный человек, готовый по любому неверно сказанному в его адрес слову распустить свои кулаки, а то и пустить в ход кинжал, который по моде студентов тех лет носил на бедре вместо фамильного меча. До серьезного кровопролития дело доходило редко, но раскроить череп рукоятью или выбить скулу кулаком считалось у него делом обыденным.

Ходили слухи, что, когда позволяла ситуация, он мог ударить исподтишка или подстроить какую-нибудь гадость противнику, но за этим, впрочем, его никто не ловил за руку, а в своем кругу он был сдержан и всегда корректен, насколько позволял, конечно, его характер.

Привел Барона в компанию Малыш, и где их пути, пересеклись никто не знал. Когда он представлял Барона друзьям, он отрекомендовал его как хорошего парня, который неплохо держит удар, а отвечает еще лучше.

Надо отметить, что Мил с Бароном сразу не пришлись друг другу по душе, но ни тот, ни другой никак не выражал своей антипатии.

– Как ты понимаешь, поначалу нас было гораздо больше, – начал свой рассказ Барон, протягивая руку Милу для рукопожатия...

Оказывается, пару часов тому назад, когда полторы дюжины студентов дружно ввалились в «Рандеву», то увидели, что свободных столиков, чтобы вместить их компанию, не хватает, но зато за двумя столами сидело по несколько человек молодых мастеровых. Не рассуждая дальше, они довольно бесцеремонно предложили тем потесниться. Видя свое численное меньшинство, молодые люди с неудовольствием уступили требованиям студентов, а спустя еще пару десятков минут так и совсем покинули заведение.

Разочарованные такой уступчивостью, студенты сдвинули два стола вместе и с воодушевлением стали запивать темным пивом свою маленькую победу. Кто-то предположил, что молодые люди пошли за подмогой и вернутся, чтобы отбить свои места, и студенты с удовольствием стали фантазировать, как они весело могут закончить так удачно начавшийся вечер.

То ли на счастье, то ли на беду, но молодые люди не вернулись, чем вызвали шквал презрительных слов в свой адрес. Все это подкреплялось распитием пенного напитка, который сопровождался большим шумом, поскольку собравшиеся не утруждали себя замолчать при очередном тосте или рассказе, и говорившему приходилось буквально перекрикивать собравшихся, чтобы попытаться завоевать их внимание.

Все это продолжалось недолго, поскольку вскоре после начавшегося «бедлама» с лестницы, ведущей на второй этаж, где раньше пировали особые клиенты, раздался негромкий голос маленького пожилого человека в элегантном черном бархатном костюме.

Он вежливо попросил молодых людей уgomониться и разговаривать потише, так как своими криками они мешают его беседе с другом.

На удивление, несмотря на то, что он даже и не пытался их перекрикивать, его слова были услышаны всеми и произвели неожиданный эффект. Все до единого студента замолчали и недоуменно посмотрели на эту замечательную личность.

Мужчина вежливо поблагодарил собравшихся и уходя произнес какому-то невидимому собеседнику: «Вот видите, уважаемый, словом можно иногда добиться гораздо больше, чем мечом, тем более...»

Дальнейшие слова были сказаны, по-видимому, уже за дверью, поскольку оборвались на полуслове.

– Это еще что за урод, – немедленно вскипел порядком захмелевший студент, которого в веселой компании звали не иначе как Аспид, надо отдать ему должное, он явился на вечеринку уже в некоем подпитии, и новая порция пива сделала его наиболее пьяным из всей компании. Недолго думая, он схватил огромную кружку со стола и с точностью, достойной всяческих похвал, запустил ее в то место, где только что стоял мужчина.

– Не учите нас жить, – гордо произнес он в сторону гипотетического собеседника и громко икнул.

Хозяин заведения тревожно посмотрел на второй этаж и покачал головой. Он попытался было уgomонить студентов, наперебой хваливших отличный бросок Аспида, как вдруг громкий голос со второго этажа грозно спросил:

– И какая скотина это сделала?

В его словах столько силы, что сидящие за столом студенты невольно замолчали и повернули головы к нему.

Надо отметить, это был замечательный экземпляр воина. Высоченный, на голову выше всех сидящих в зале, мужчина в годах, по крайней мере его седые волосы и загорелая до темноты морщинистая кожа лица позволяли угадать в нем возраст где-то около пятидесяти, медленно спускался по лестнице. Его огромные руки были сжаты в кулаки и не предвещали ничего хорошего сидящим внизу студентам. Под простой кожаной курткой перекачивалась грудка мышц, которыми мог похвалиться только настоящий атлет.

– Я повторяю, кто это сделал? – произнес он громким чуть с хрипотцой голосом.

– Ну, допустим, что я, – с пьяной бравадой произнес Аспид, вставая из-за стола, картинно расправив плечи и нагло усмехаясь незнакомцу. При этом он скорчил такую рожу, что все студенты прыснули от смеха.

В мановении ока мужчина оказался возле него, схватил его за грудки и без видимых усилий оторвал Аспида от пола.

– Сударь, сударь, – переполошился хозяин, – молодые люди пошутили и несколько не хотели Вас оскорбить, они сейчас допьют свое пиво и уйдут.

– Уйдут? – с сомнением переспросил мужчина. – Ну хорошо, только из уважения к твоему заведению я дам им уйти, не отрезав никому за дерзость уши, особенно вот этому противному хорьку, – указал он пальцем на Аспида, ноги которого продолжали болтаться над полом.

– Да о чем Вы говорите, сударь, ну разве можно отрезать уши таким юным людям, они ведь не разбойники и не воры! – всплеснул руками хозяин «Рандеву».

Мужчина громко хмыкнул и разжал пальцы, при этом Аспид мягко опустился на ноги и, почти не останавливаясь, словно тряпичная кукла, рухнул на скамью.

– А кто тебе вообще даст тут кому-то что-то отрезать? – недоуменно спросил Малыш, приподнимаясь со скамьи.

Студенты заворчали и как один начали вставать, отойдя от первоначального ступора.

– А ну сидеть, – рявкнул на них мужчина, обнажая висящий на бедре короткий меч. – Вы на кого тут рты пооткрывали, а?

– Господа, я прошу вас всех успокоиться, – заметался хозяин.

Увидев обнаженную сталь, почти все студенты, кроме Малыша и Барона, сели на свои места.

– Значит так, господа нахалы, у меня с моим другом незаконченный разговор, так что мы еще часок посидим в этом заведении, а потом мы пойдем по домам, и если вы будете еще здесь...

Мужчина угрожающе помолчал, потом развернулся и не спеша пошел в сторону лестницы.

После этого за столом стало как-то уж совсем скучно. Заведение стало помаленьку пустеть, и из сидящих за столом братии студентов осталось всего четверо.

– Аспид, гад, один из первых сбежал, – как-то беззлобно покривил губами Барон.

– Ну не всем же быть героями, – пожал плечами Мил, доливая себе пива из кувшина, – а что, и вправду такой грозный дядя? – посмотрел он на Малыша.

– Не то слово. Грудка мышц и меч на бедре. Под курткой, кажется, кольчуга, а морда вся в шрамах. И кровью от него так и несет, – кивнул Малыш.

– У него нога больная, – добавил Барон, – он, когда спускался, ее слегка приволакивал. Так что не так уж он и грозен. Впятером мы с ним точно справимся, надо только не дать ему меч вытащить. Ведь так, Брюнет? – хлопнул он по плечу соседа.

– Если не станет мечом махать, может, и справимся, – кивнул тот в ответ, вытряхивая из кувшина остатки напитка. – Мил, ты бы купил еще пива, а то хозяин нам больше не несет, наверное, боится, что нас тот грозный дядя завалит, чем нанесет невосполнимый ущерб заведению.

– С вами справишься, – угрюмо покачал головой Малыш, – столько выдули, вы и себя сейчас поднять не сможете, от страха, что ли, столько жрете?

– Это ты зря, Малыш, – недовольно огрызнулся Барон, – те, кто трусили, те уже слиняли. А кто остался, те уже не уйдут. Мил, так как там насчет пива?

– Легко, – отозвался тот и, подойдя к стойке, положил на нее монету. Через пару минут на столе красовались два кувшина с пивом и огромная тарелка с копчеными ребрышками.

– О, живем, – хлопнул в ладони Барон. – Слушай, я все хочу тебя спросить, откуда у тебя всегда деньги, ведь поишь нас уже не первый месяц...

На этот вопрос Мил ответить не успел, поскольку все взоры перевелись на лестницу, по которой спускались описанные ранее мужчины.

– Что-то ваши ряды резко поредели, – усмехнулся здоровяк и, чуть прихрамывая, подошел к столу.

– Сударь, Громила, вы ведь не собираетесь устраивать тут, так сказать, пьяный дебош? – с сомнением произнес мужчина в бархате.

– Ну, о чем Вы говорите, господин Гектор, я тут поучу ребятишек уму-разуму, так сказать, для их же блага, если Вы, конечно, не против.

– Ну это мы еще посмотрим, – вскочили со своих мест Малыш и Барон.

– Господа, господа, если вы хотите пустить друг другу кровь, то прошу выйти на площадь, обнажать сталь в таверне недостойно таких славных людей, как вы, – попытался урезонить противостоящих людей хозяин «Рандеву».

– О чем ты говоришь, – хищно осклабился здоровяк, – я даже меч не буду вытаскивать.

– Господин Гектор, – неожиданно для всех громко произнес Мил, – у Вашего спутника достаточно буйный нрав, но это не мешает мне засвидетельствовать Вам свое почтение.

– Господин Милл И'Усс, – воскликнул мужчина в бархате, – я Вас сразу и не узнал, уж прошу прощения, тут такой тусклый свет.

– Господин Громила, – обратился мужчина к своему спутнику, – я прошу, успокойтесь, я хочу представить Вам восходящую звезду современности, барда школы господина Бурана, чьим искусством Вы неоднократно восхищались. К этой же школе отношусь и я, и что в свою очередь налагает на меня некоторые обязанности по отношению к этому юноше.

– Что Вы этим хотите сказать, – недовольно произнес Громила.

– Клятва, данная нашему учителю, запрещает нам выступать друг против друга, кроме как в поэтических состязаниях.

– Ну и прекрасно, – недовольно произнес Громила, – я и без Вас справлюсь.

– Тем не менее, господа, я предлагаю закончить нашу встречу мирно, поскольку вряд ли господин Милл И'Усс согласится покинуть своих друзей, и мне придется выступить на его стороне, а это, согласитесь, будет как-то уж совсем нелепо, господин Громила, поскольку Вы являетесь неким образом моим телохранителем.

– Да, это было бы скорее несколько странным, – согласился Громила.

– Браво, – зааплодировал хозяин, – в честь окончания неприятного инцидента я готов выставить вам лучшего вина за счет заведения.

В течение нескольких минут хозяин уставил стол высокими серебряными бокалами с затейливым орнаментом и разлил в них бордового вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.